Л. Я. ЭВЕНТОВ

ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ В РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор А. С. Нифонтов, Техред Т. Ф. Соколова

Главлит № А—85248 Гиз С—11 № 43769 Зак. № 1990 6½ п. л. Тираж 5 000 экз.

3-я типография Огиза «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Изучение иностранных инвестиций в русском народном хозяйстве перед Октябрьской революцией имеет не только практический, но и глубоко теоретический интерес. Если Англия, а после мировой войны и САСШ являются классическими странами экспорта капитала, то Россия до 1917 г. представляла классическую страну импорта капитала. Из переписки Энгельса с Марксом известно, что уже в пятидесятых годах XIX столетия иностранный капитал «открыл» Россию (письмо Энгельса от 14 апреля 1856 г.).

Судьба русского капитализма была тесно связана с иностранным капиталом на протяжении более полувека. Международный капитал был, в известном смысле, акушером русского капитализма, его опорой на последующих трудных исторических перевалах, в частности спасителем русской буржуазии от революционного шквала 1905 года. Когда же Октябрьская революция нанесла сокрушительный удар капитализму, расчистив почву для нового социального строя, иностранный капитал был ликвидирован на территории бывш. Российской империи. Национализация крупной промышленности и банков, провозглашенная советской властью, была одновременно и национализацией в ином смысле—в смысле ликвидации «иностранного» имущества и возврата его в распоряжение подлинной нации, олицетворяемой миллионными массами трудящихся.

Сложная многолетняя история финансовых взаимоотношений и сплетений России с внешним миром ставит перед исследователем, помимо исследования конкретного хода событий, много частных и общих проблем: взаимоотношения публичного займа и частной инвестиции, непосредственного вложения капитала в то или иное предприятие и финансирования через финансовое учреждение или организацию; переплетение долгосрочного и краткосрочного кредита, взаимодействие ссудного и производительного капитала, связь между экспортом товаров и капиталов, между торговым и расчетным балансом; развертывание капиталистического цикла и миграция капиталов; соотношение между экспортом капитала и капитализацией прибавочной стоимости, между импортом капитала и внутренним накоплением, и как вывод из всего—развитие процесса национализации и денационализации, или выражаясь более современным языком, процесса колонизации или деколонизации.

В этой работе автор не задавался целью теоретически исследовать проблему экспорта капитала в целом. В его задачу также не входило исследование системы русского империализма. Как показывает заголовок настоящей книги, рамки ее гораздо уже. Это объясняется тем, что по первоначальному плану она должна была явиться частью более обширного коллективного издания. В связи с этим целевая установка автора заключалась в том, чтобы на основе исследования кон-

института «репарационного агента» и финансовых советников, наделенных большими контрольными правами в интересах кредиторов; в делении стран на штрафные и фаворизуемые международным финансовым капиталом, инспирируемым ведомствами иностранных дел и в свою очередь направляющим деятельность иностранных ведомств [1].

В наиболее выпуклой и классово-обнаженной форме политические цели международного финансового капитала выявились в финансовой блокаде капиталистическим миром СССР и в особенности в направлении внешней политики по отношению к СССР со стороны Англии и Франции,— политики, в значительной степени вдохновляемой ассоциацией держателей иностранных ценностей. В этой связи интересно, что французское правительство настолько отождествило свои интересы с Office Nationale de Valeurs Mobilières, что в течение нескольких лет после Октябрьской революции даже выплачивало французским рантье проценты по русским ценностям за счет государственной казны. Что касается британского правительства, то общеизвестно, какую могущественную роль в его взаимоотношениях с СССР играл и играет Детердинг, руководитель англо-голландского нефтяного треста.

В соответствии с усилением неравномерности капиталистического развития выросло после войны и значение экспорта капитала, как мощного фактора империалистической экспансии. Концентрация мирового кредита в САСШ и финансовое ослабление Европы, нуждающейся в денежном капитале для активизации своего мощного производственного организма и медленно развивающейся внешней торговли, крайне обострили капиталистические противоречия, выступив в форме противоречия между торговым и платежным балансом, между нарастающими обязательствами европейских должников и недостаточным ввозом в САСШ, а также ростом американской конкуренции на нейтральных рынках. Одновременно империалистическая борьба за «сферы влияния» для захвата источников основного сырья и закрепления важнейших рынков сбыта, за «мандаты» в колониальных и полуазиатских странах приняли еще более гигантский размах, и экспорт капитала сделался одним из решающих шансов в этой борьбе.

ГЛАВА II

УСЛОВИЯ И ФОРМЫ ЭКСПОРТА КАПИТАЛА В РОССИЮ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

14 апреля 1856 г. Энгельс писал Марксу: «...Теперь открывается последняя фаза мошенничества: Россия ввозит капитал и спекуляцию и вот по этим пространствам, по тысячеверстным железным дорогам мошенничество успеет так развиться, что очень скоро сломит себе шею. Когда мы услышим о великой иркутской магистрали с ветками к Пекину и т. д., тогда наступит время собирать наши пожитки...» Несмотря на несбывшийся социальный прогноз, факт был Энгельсом правильно подмечен. Означенный период, особенно в связи с «крестьянской реформой», действительно характеризовался оживлением интереса

[1] «Политизирование» британского экспортного капитала выразилось, между прочим, в правительственных актах в виде «Export Credits Scheme», «Trade Facilities Act» и в «Trustee Act and Colonial Stock Act», направленных в первую очередь к сохранению внутриимперских связей путем закрепления финансовой зависимости от метрополии остальных частей империи.

к России со стороны иностранного капитала, устремлявшегося, однако, почти исключительно в сферу обращения—транспорт и кредит, что должно было обеспечить смычку между крупным западно-европейским капиталом и сельскохозяйственным производителем России и связать русскую деревню с мировым рынком. Действительно, хлебный экспорт из России резко усилился—с 376 тыс. тонн пшеницы в 1850 до 1 573 тыс. тонн в 1870 г.,—но русская промышленность очень мало выиграла от железнодорожного грюндерства, так как благодаря господству в официальных кругах экономического либерализма, поставка материалов для железных дорог происходила из-за границы за счет загрузки иностранной промышленности. Приток иностранного капитала в отечественную промышленность шел вяло. Только в 1870-х годах темп иностранных инвестиций несколько усиливается, но с 1880-х годов наступает застой, длящийся до второй половины следующего десятилетия, и лишь с этого момента кончается предъистория и начинается действительная история экспорта в Россию иностранного капитала в форме производительного капитала.

Меньший интерес иностранцев в «предъисторический» период к инвестициям, чем к займам, объясняется их опасениями потерь на курсе вследствие вызывавшихся обесценением денежной единицы беспрестанных валютных колебаний и необеспеченности дохода. Курс рубля упал к началу 1879 г. до 61,7 коп. золотом, и колебания продолжались почти до реформы 90-х гг. Общее финансовое положение страны оставалось чрезвычайно тяжелым. Государственная задолженность росла, особенно внешняя, требовавшая ежегодных платежей за границу,—в начале 1890-х годов в размере не менее 100 млн. руб. в год (включая и погашение). Бюджет был дефицитным, что искусно прикрывалось его делением на обыкновенный и чрезвычайный, т. е. на два бюджета: один—для внешнего, а другой—для внутреннего употребления. Из записок Витте известно, что государство стояло в 1892 г. накануне банкротства, так как в государственной кассе не оказалось средств даже для оплаты содержания чиновникам и войскам, и для ликвидации затруднения пришлось обратиться к печатному станку [1]. Сельское хозяйство находилось под двойным ударом: систематического разорения крестьян, достигшего высшей точки в катастрофе 1891 г. и падения мировых сельскохозяйственных цен под влиянием американской конкуренции, что угрожало в свою очередь активности торгового баланса.

В связи с этим перед правительством во весь свой рост встали кардинальные задачи экономической политики, из коих наиболее безотлагательными были: проведение денежной реформы и необходимость накопления золотого фонда, устранение дефицитности бюджета и обеспечение устойчивого активного платежного баланса (заемно-активного) и, наконец, развитие крупной промышленности как базы этих реформ.

Особенно настоятельной была задача создания крупного производства, подготовленная всем предыдущим развитием и требовавшая перехода к широкому промышленному строительству, на что имеются прямые указания в одном из писем Энгельса к Николаю —ону, представляющем замечательный исторический диагноз и прогноз [2]. «Я утверждаю теперь,—писал Энгельс своему русскому корреспонденту,—

[1] Записки Витте, т. III, Гиз, 1924, стр. 297.

[2] Письмо от 22 сентября 1892 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, изд. «Московский рабочий», 1923. Разрядка Энгельса.

что промышленное производство означает в настоящее время непременно крупную промышленность с приложением пара, электричества, самодействующих прядильных и ткацких станков и, наконец, с машинным производством самих машин. С того момента, как Россия ввела у себя железные дороги, введение всех этих новейших средств производства стало для нее предрешенным вопросом. Вы должны иметь возможность исправлять и чинить ваши собственные локомотивы, вагоны, железные дороги и пр., и чтобы делать это дешево, вы должны быть способны строить дома все те вещи, которые вам придется исправлять и чинить. С того момента, как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности, крупная промышленность, без которой все эти вещи не могут изготовляться, стала и для вас политической необходимостью. Все эти вещи не могут быть изготовляемы без высокоразвитого металлургического производства, а металлургическое производство не может развиваться без соответственного развития всех других отраслей мануфактуры и в особенности текстильной».

Осуществление этой программы, хотя бы частично, в условиях незыблемости отсталых социально-экономических и политических форм зависело от поддержки извне. Это и обусловило ряд мер в области экономической политики. Для привлечения вместо товаров иностранных капиталов, в интересах индустриализации страны, таможенная свобода быстро уступила место весьма резко выраженному протекционизму. Покровительство промышленности выступило сначала в форме введения «золотых пошлин» в 1877 г. и завершилось охранительным «менделеевским» тарифом 1891 г. В свою очередь денежная реформа 1897 г., обеспечившая стабилизацию рубля, создала самую элементарную предпосылку для прилива иностранного капитала.

Спросу на одной стороне соответствовало в этот момент обильное предложение капитала со стороны богатых стран, накопивших в течение многолетнего развития огромные массы прибавочной стоимости. Старые капиталистические страны — Франция и Англия — располагали значительными избытками капитала для экспорта его за границу, меньшими — Германия, вступившая после франко-прусской войны в полосу наиболее бурного промышленного подъема. Относительное изобилие свободного капитала характеризуется движением учетного процента в этих странах, стоявшего на крайне низком уровне. По сравнению с западными странами дисконт в России стоял в полтора-два раза выше. Если же сопоставить процент по долгосрочному кредиту, то оказывается, что в России он превышал заграничную ставку в 2—3 раза. Но норма прибыли в русских предприятиях доходила иногда до 100% и выше, а 20%-ный дивиденд не являлся редкостью для наших акционерных компаний. Крайне высокий уровень прибыли в России являлся естественным последствием молодости русского капитализма, конкурировавшего с преобладавшим патриархальным способом производства, благодаря чему капиталистическим товарам обеспечивалась диференциальная прибыль. Наряду с этим, новым источником добавочной прибыли служила правительственная субвенция в виде казенных заказов, ссуд, усиленного таможенного покровительства и всевозможных других льгот, сыпавшихся на промышленность, как из рога изобилия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Россия представляла очень выгодное поприще для иностранных инвестиций. И международный капитал, как отметил в то время Ленин, не затруднился переселиться внутрь таможенной ограды и устроиться на «чужой» почве, согласно положению: ubi bene, ibi

patria[1]. С тех пор русский промышленный капитал раздвоился: одна его душа — финансовая — была обращена на запад, а другая — производственная — на восток. Объективно же это означало более широкое его вовлечение в орбиту международного капитала.

В описываемый период завязывается роман официальной России с Францией. Это случилось при следующих обстоятельствах. С 1885 г. вследствие натянутых политических отношений с Великобританией лондонский денежный рынок был закрыт для России, а в 1887 г., с началом русско-германской таможенной войны, русские ценности были изгнаны и с берлинской биржи. Лишь в начале XX в. прерванные финансовые взаимоотношения с обеими странами возобновились (с Берлином с 1902 г. и Лондоном с 1906 г.). В критический момент русские фонды, для которых оставался один голландский рынок, крайне перенасыщенный, ибо на нем уже было размещено госзаймов почти на 1 млрд. руб., встретили теплый прием в Париже и с тех пор усвоили вполне романскую ориентацию. Легкость перехода через новые государственные границы указывала вместе с тем, что связанный с русскими интересами иностранный капитал в основном носил еще тогда преимущественно форму ссудного капитала, так как с промышленными ценностями обычно инвесторы не так легко расстаются. В дальнейшем, события приняли быстрый оборот. В 1891 г. русский министр финансов отстаивал открытие в Петербурге отделения «Лионского кредита» уже ссылкой на установившиеся сношения России с денежным рынком Франции. В августе того же года был заключен франко-русский договор, явившийся, по правильному замечанию немецкого автора Курта Рейбница, первым звеном в политико-экономических сплетениях и обязательствах, повлекших за собой мировую войну[2].

Французский капитал играл выдающуюся роль в истории иностранных инвестиций в России и проявил здесь довольно большую гибкость форм, чем он не отличался в других странах, где оставался верен своей паразитарно-ростовщической природе. Ввиду этого следует остановиться на нем подробнее.

Экономическое развитие Франции, начиная с последней четверти XIX в. вплоть до мировой войны, обнаруживало крайнее несоответствие между вялым темпом роста крупной промышленности и относительно значительным уровнем национального накопления. Сконцентрированные в банках, благодаря разветвленной кредитной сети, огромные денежные фонды, представлявшие сбережения некапиталистических слоев, а также высвобожденные средства капиталистов, не находили соответствующего приложения в стране и искали производительного применения вовне[3]. Это и способствовало установлению тесной и все расширяющейся связи между французским денежным рынком и русским народным хозяйством.

Сначала преимущественный интерес французского инвестора сосредоточивался на государственной облигации или гарантированной русским правительством железнодорожной облигации, но впоследствии, благодаря вмешательству банков той и другой страны, его внимание было привлечено также и к промышленным ценностям.

---

[1] В. Ильин (Ленин), Развитие капитализма в России, книгоиздательство «Паллада», 1908, стр. 384.

[2] Курт Рейбниц, цит. соч.

[3] До войны в трех крупнейших французских банках (Crédit Lyonnais, Société Générale, Comptoir National d'Escompte) было сосредоточено от $1/2$ до $2/3$ всех французских капиталов. E. Kaufmann, La Banque de France, p. 273.

Это ускорялось особенно тем, что развитие в России как раз характеризовалось чертами, прямо противоположными очерченному выше французскому развитию: колоссальной аккумуляции денежного капитала при отставании промышленного роста во Франции противостояли крайне медленное накопление денежно-ссудного капитала и американский темп промышленного развития в России. С другой стороны, русское правительство, имея возможность лишь частичного покрытия за счет сальдо по торговому балансу заграничных платежей и стремясь избежать подводных камней трансферта, о которые могла разбиться стабилизация рубля, вечно нуждалось в отсрочке старых займов и заключении новых. Неизбежным результатом такого положения вещей было перерастание экспорта ссудного капитала в форму производительного капитала, что поощрялось кроме того более высокой доходностью последнего по сравнению с первым. Смысл перехода заключался в том, что, не будучи в состоянии производительно использовать доходы от русских займов у себя дома, французы приобретали на них промышленные бумаги, причем главным образом добывающей промышленности, и таким образом превращались в собственников русских предприятий, работавших на заказы русского правительства, оплачивавшего их за счет дальнейших французских займов России.

За исключением чисто пионерского периода, когда капитал эмигрировал в Россию вместе с предпринимателем, и за вычетом вложений капитала, обусловленных сотрудничеством смежных в географическом отношении отраслей промышленности и легкостью доступа к ним иностранного капитала (немецкий капитал в б. Привислянских губерниях, а также Лифляндии и Эстляндии), — финансирование за границей русских предприятий производилось в дореволюционный период либо при содействии банков, что практиковалось главным образом Францией и Германией, либо специальными финансовыми или контрольными обществами — излюбленной формой главным образом британского экспортного капитала, в целом интересовавшегося больше финансовым контролем, нежели техническим. Представителями этих учреждений на русской территории были специально учрежденные иностранные акционерные предприятия или филиальные отделения (Tochtergeselschaften), являвшиеся продуктом мировой экспансии крупных промышленных концернов (электрических, химических и других концернов Германии, английских нефтяных трестов и т. д). Но наряду с этим, иностранные интересы через «систему участия» были широко представлены в русских по уставу и имени акционерных обществах, акции которых частично или полностью находились в портфеле иностранных обществ или в совместных с русскими синдикатах и консорциумах, находившихся под руководством банков. Кроме того связь поддерживалась и путем непосредственного представительства в правлениях русских предприятий через своих доверенных лиц.

Влияние заграницы на русское хозяйство в пионерский период сводилось главным образом к обмену более высокой техники и организации передовых капиталистических стран на заманчивые барыши, свойственные девственной стране. Ввозя квалифицированный штаб промышленности, внедряя новые технические навыки и более совершенные методы управления, капиталистические предприниматели-пионеры насаждали очаги технической культуры, приносили с собой дух предприимчивости и прививали туземным капиталистам капиталистическую культуру, без чего неминуемая промышленная революция могла бы задержаться. «Чумазый» русский капитализм должен был, по выражению Туган-Барановского, как в свое время русская армия,

пройти европейскую выучку под руководством иностранных инструкторов, прежде чем приступить к выполнению своей исторической миссии.

Благодаря предшествовавшей «европеизации», капиталистическое развитие началось не ab ovo: вместе с капиталом было импортировано капиталистическое производство и отношения эксплоатации и притом на той ступени развития, которой они достигли в наиболее передовой стране[1]. Эти условия ускорили переход от азиатского капитализма к более современному и обеспечили бурный темп развития для молодого русского капитализма, когда прилив капитала из-за границы в форме займов и инвестиций сделался крайне интенсивным.

В отличие от пионерского периода, когда отдельные иностранные предприниматели очень быстро ассимилировались в общерусской предпринимательской семье, усилившийся в дальнейшем прилив анонимного заграничного капитала в акционерной форме и связь его через ряд промежуточных звеньев с таким же обезличенным русским капиталом не только не приводил к ассимиляции привозного, а наоборот, очень часто имел своим последствием интернационализацию туземного капитала и включение русских предпринимателей в международную капиталистическую семью.

ГЛАВА III

ДИНАМИКА ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ИХ УДЕЛЬНЫЙ ВЕС В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Для оценки роли иностранного капитала в русском народном хозяйстве и его влияния на ход промышленного развития необходимо составить хотя бы элементарные статистические ряды. Однако эта задача оказывается не столь легкой. Главная трудность заключается в крайней текучести и неуловимости самого объекта статистической фиксации—денежного капитала—в его газовидности, как удачно выражается И. Левин[2]. Недосягаемость иностранных инвестиций для статистического учета увеличивается по мере приближения к более современной эпохе, когда, в связи с выступлением на сцену империалистической фазы капитализма, международный оборот капиталов крайне перекрещивается и становится почти непроницаемым.

Приток иностранного капитала осуществляется в самых разнообразных формах: 1) в виде прилива нового капитала из-за границы за данный отрезок времени; 2) в форме увеличения капитала уже существующих иностранных предприятий за счет капитализации полученной прибавочной стоимости; 3) в форме скупки новых предприятий; 4) путем развития системы «участия» и т. д. При этом необязательно обращение к денежному рынку через биржу, ибо расширение может итти за счет самофинансирования. С другой стороны, большое значение имеет переплетение долгосрочного и краткосрочного иностранного кредита.

Ввиду этого имеющиеся в русской экономической литературе подсчеты заграничных вложений значительно расходятся между собой как по итогам, так и по методу исчислений. Прибавлять к уже существующим свой собственный подсчет и тем самым увеличивать имеющийся разнобой мы сочли нецелесообразным. Но нами руководило при этом

[1] Ср. Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, Гиз, 1922, стр. 363.
[2] И. Левин, Германские капиталы в России, 1918.

еще одно крайне существенное, с нашей точки зрения, принципиальное соображение.

Миграция капитала никак не покрывается статистическими схемами, и цифровые таблицы едва ли могут уловить все тайные тропы, по которым, минуя пограничные столбы, пробирается международный капитал. Широкое распространение в области международных инвестиций закона мимикрии еще более увеличивает статистическую близорукость. А в русских условиях, где в добавление к этому причудливо сплетались огромные масштабы государственной задолженности с частнохозяйственными инвестициями, эта близорукость подчас переходит в слепоту, чему не мало способствует и экономическая малограмотность официальной статистики.

Однако, несмотря на все вышеуказанные затруднения, мы не можем отказаться вовсе от какой-либо статистической базы для наших дальнейших рассуждений. Вопрос идет лишь о выборе этой базы и о правильной оценке ее неизбежных несовершенств.

Исходя из рассмотренных ограничений, мы остановились, как на наиболее приемлемой для нас статистической базе, на исчислениях П. Оля[1]. Мы исходили при этом из следующих соображений.

Статистический учет иностранных инвестиций основывается повсюду главным образом на оценке. Если в этом случае неизбежен произвол, то, разумеется, не следует его увеличивать обращением к разным оценкам. Другим преимуществом данных Оля является обеспечение единства источника, а это крайне необходимо, поскольку в круг нашего рассмотрения включен почти тридцатилетний исторический период, отличавшийся бурной сменой событий. С другой стороны, использование указанных данных облегчает сопоставление с русскими итогами ввиду значительного сходства классификации в обоих случаях.

Мы не должны, однако, закрывать глаза на недостатки, имеющиеся в исчислениях Оля. Самым главным из них является поверхностно-статистический, мы сказали бы, регистраторский подход за счет экономического анализа исследуемого объекта. Насколько это вредит, должно быть ясно из вышеизложенных наших рассуждений о природе иностранных инвестиций. К сказанному можно лишь добавить, что П. Оль находится целиком под влиянием количественного учета, не вполне сознавая, что качественные особенности как различные формы капитала, например отличие импорта капитала вместе с капиталистом, быстро ассимилируемым новой средой, от ввоза безличного капитала, обретающего в акционерной форме иммунитет против денационализации, или различное действие ввоза ссудного и производительного капитала, имеют немалое значение и для его цифровых выкладок[2]. Впрочем, и сам Оль признает, что его оценки далеко не вполне соответствуют действительности, но из существующих, мы полагаем, они наиболее близки к ней.

Что касается русских данных, то они составлены по балансам русских и иностранных акционерных обществ, публиковавшимся в Ежегодниках министерства финансов за соответетвующие годы. Имеются

---

[1] В дальнейшем мы будем пользоваться тремя работами П. Оля. Из них две — «Иностранные капиталы в России» 1922 г. и «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России» 1925 г. — хорошо известны, третья же — «Цифровой анализ расчетного баланса России за 15 лет (1881—1895)», — относящаяся к более раннему времени, мало известна.

[2] Следует предостеречь и против другой односторонности, которая приводит к преуменьшению роли иностранных капиталов. Этим страдает работа И. Гиндина «Банки и промышленность в России до 1917 г.», Промиздат.

основания считать эти данные неполными, однако они обладают тем преимуществом, что фиксируют фактически действовавшие общества. В тех случаях, где мы наталкивались на более исчерпывающий материал, мы пользовались таковым, если существовала уверенность в однородности классификации, а также в том, что в основе этого материала лежат балансы акционерных предприятий[1].

Указанные оговорки следует иметь в виду при рассмотрении приводимых ниже статистических материалов.

ТАБЛИЦА 1

КАПИТАЛЫ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И КРЕДИТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

(В миллионах рублей)[2]

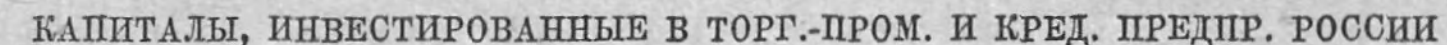
Годы	Акционерный капитал торгово-промышленных предприятий и кредитных учреждений	В том числе иностранный капитал	% иностранного ко всему капиталу	Капиталы акционированной и неакционированной промышленности, включая кустарно-ремесленную	% иностранного ко всему капиталу акционированной и неакционированной промышленности
1888	662	178	27	1 034	17
1889	704	179	25	1 088	17
1890	734	186	25	1 128	17
1891	794	198	25	1 178	17
1892	831	202	25	1 216	17
1893	850	203	25	1 279	16
1894	900	210	25	1 370	15
1895	954	244	25	1 484	17
1896	1 200	321	25	1 757	18
1897	1 381	379	27	1 970	19
1898	1 538	476	30	2 174	22
1899	1 879	644	34	2 568	25
1900	2 030	762	37	2 806	27
1901	2 192	814	37	2 935	28
1902	2 281	815	36	3 012	27
1903	2 304	829	36	3 044	27
1904	2 432	851	35	3 212	26
1905	2 391	850	35	8 188	27
1906	2 517	905	36	3 267	28
1907	2 632	945	36	3 463	27
1908	2 772	989	36	3 645	27
1909	2 809	1 027	36	3 724	28
1910	2 983	1 126	38	3 970	28
1911	3 346	1 288	38	4 393	29
1912	3 601	1 482	41	4 796	31
1913	4 091	1 701	41	5 873	30
1914	4 311	1 856	43	—	—
1915	5 085	1 939	38	—	—
1916	5 536	1 989	36	—	—

---

[1] В этих случаях сделаны специальные оговорки.

[2] В первых двух графах приведены только акционерные капиталы (основные). Капиталы неакционированной и кустарно-ремесленной промышленности исчислены С. Г. Струмилиным («Проблема промышленного капитала», стр. 8). Данные о капиталах в торгово-промышленных предприятиях и кредитных учреждениях за 1905—1910 гг. — Статистические ежегодники советов съездов торговли и промышленности, вып. 1912—1913 гг.; за 1911 г.: П. Оль, Статистика акционерных предприятий за 1911/12 г., остальные годы—Ежегодники министерства финансов. Иностранные капиталы: П. Оль, Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России, 1925 и Иностранные капиталы в России, 1922.

Данные обнимают акционерные (основные) капиталы в промышленности, торговле и кредитной системе, причем облигационные капиталы, являющиеся формой ссудного капитала, исключены. Сопоставляя динамику капиталов в первых двух рядах (см. ниже также диаграмму), мы видим, что они согласно отражают колебания хозяйственной конъюнктуры. Промышленный подъем 1893—1900 и 1909—1913 гг. сопровождался ростом показателей обоих рядов. Что касается периода депрессии 1901—1908 гг., то русско-японской войной и революцией он делится на две части. Лишь после поражения революции, когда испуг владельческих классов прошел, и сравнительно быстрой ликвидации последствий военных неудач, ускоренной хорошими урожаями и земельной реформой Столыпина, застой мало-по-малу стал сменяться восстановлением. Особенно резко это видно на движении иностранных

КАПИТАЛЫ, ИНВЕСТИРОВАННЫЕ В ТОРГ.-ПРОМ. И КРЕД. ПРЕДПР. РОССИИ

капиталов. Непосредственно после кризиса 1900 г. приток иностранного капитала почти приостанавливается, и в некоторых основных отраслях, например в предприятиях горной промышленности, понесших значительные убытки, происходит даже ликвидация отдельных спекулятивных, грюндерских наростов, унаследованных от учредительской горячки предшествовавшего расцвета. За период 1901—1905 гг. было влито из-за границы всего 36 млн. руб. Но после поражения революции 1905 г., когда иностранный инвестор еще больше поверил в устойчивость политических условий в России, заграничные инвестиции снова усилились, а с 1910 г. прямо хлынули в страну. С 1906 по 1910 г. происходила скупка и «санирование» ряда предприятий, попавших в затруднительное положение, причем, повидимому, на выгодных условиях, так как размер иностранных инвестиций хотя и повысился по сравнению с первой половиной депрессивной фазы, но был невелик, составив за этот период всего 122 млн. руб.; основной же капитал промышленности в материальном своем выражении шагнул вперед, дав увеличение числа лошадиных сил на рабочего с 1900 по 1908 г. на 28%, именно—с 0,7 л. с. до 0,9 л. с. В этот период на сцену выступает новая группа — английская, которая ищет для себя опоры в русском хозяйстве, дополняя этим складывавшийся в то время политический союз в форме Антанты. Внимание ее концентрируется на отраслях горной промышленности—нефтяной, медной, на добыче золота и т. д., и на районах, изобилующих ископаемыми, на Кавказе, Урале и Сибири, где в ее руки попадают по сходной цене уже существующие рудники и металлургические предприятия.

История иностранных инвестиций, о которой за 26-летний период, т. е. до мировой войны, рассказывает приведенная выше таблица, есть история роста, а не убывания роли заграничного капитала в русском народном хозяйстве. Война принесла новые формы взаимодействия иностранного и туземного капитала, перенесши центр тяжести на межгосударственное финансирование в целях организации «победы», поэтому военный период следует выделить особо [1]. В течение же всего периода до 1913 г., если отвлечься от конъюнктурных колебаний, обнаруживается тенденция к возрастанию удельного веса иностранного капитала, достигающего накануне войны свыше $^{2}/_{5}$ от общей суммы занятых в хозяйстве капиталов против $^{1}/_{3}$ в начале рассматриваемого периода. Общая сумма акционерных капиталов возросла за период 1888—1913 гг., т. е. за 26 лет, в 8 раз, одних туземных капиталов—в 7,5 раза, а иностранных—в 9,5 раза, причем темп возрастания в конце периода выше, чем в его начале, несмотря на то, что индустриализация страны в годы, предшествовавшие войне, делала большие успехи. Если же учесть, что в росте туземных капиталов известная доля его является номинальной, ввиду преобразования единоличных предприятий в акционерные, чего нет в иностранных, ибо они вливаются преимущественно в акционерной форме, то положение об увеличении удельного веса иностранных инвестиций в русском хозяйстве накануне войны получает еще дальнейшее подкрепление.

Эта тенденция в свою очередь наблюдается и в ходе отдельных фаз пройденных промышленных циклов. Так, в период подъема 1893—1900 гг. общая сумма капиталов возросла на 1,2 млрд. руб., в том числе иностранные капиталы возросли более чем на ½ миллиарда, составив менее половины всего прироста. В течение депрессии 1901—1908 гг. первые увеличились на 580 млн. руб., а вторые — на 175 млн., составив несколько более $^{1}/_{3}$ общего прироста. В течение подъема 1909—1914 гг. увеличение всех капиталов составило 1,5 млрд. руб., в том числе иностранных капиталов — 829 млн. руб., т. е. уже свыше 55% всего прироста.

Мы должны также учесть для полноты картины, что в общем итоге занятых в хозяйстве капиталов фигурирует довольно высокая цифра торгового капитала, в котором иностранная доля была совершенно незначительна; с другой стороны, в таблице, как уже указано, исключены облигационные капиталы, которые на $^{4}/_{5}$ были иностранного происхождения. С учетом этих двух моментов значение иностранного капитала должно еще более повыситься.

[1] Это различие упускает из виду т. Грановский в своей ст. «Иностранный капитал в системе монополистического капитализма», «Вестник Комакадемии» № 22, 1927. По подсчету Дементьева, директора департамента госказначейства, за время войны было получено 7,5 млрд. руб. иностранных займов, которые в подавляющей своей доле пошли на оплату заграничных заказов и частью на поддержание курса рубля за границей же (Финансовая политика России перед Октябрьской революцией, «Красный архив», 1927, № 25).

Другая картина получится, если включить в наши расчеты неакционированную и кустарно-ремесленную промышленность. Иностранный капитал вливался в русское хозяйство исключительно в форме крупного, высококонцентрированного и акционированного капитала, совершенно минуя мелкую промышленность или ремесло. Поэтому, с учетом последних, доля заграничных вложений падает до 25—30%, но, разумеется, простое количественное сопоставление крупного и мелкого неорганизованного капитала едва ли убедительно. Однако характерно, что и в этом случае, как показывает пятая графа таблицы, тенденция к возрастанию удельного веса иностранного капитала сохраняется.

Рассмотренные до сих пор данные характеризуют положение в народном хозяйстве в целом. Однако в нашу задачу входит исследование роли иностранных капиталов в русской промышленности. Обратимся поэтому к последней. Помещенные ниже таблицы показывают динамику капиталов в промышленности в целом и в различных промышленных отраслях в отдельности.

ТАБЛИЦА 2

ДИНАМИКА КАПИТАЛОВ В РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (в миллионах руб.) [1]

Годы	Весь акционерный капитал	В том числе иностранный	% иностранного ко всему капиталу
1880	280	48	17
1890	443	114	26
1893	509	136	27
1900	1 401	628	45
1903	1 534	691	45
1906	1 620	761	47
1909	1 834	840	46
1914	2 807	1 322	47
1916	3 747	1 431	38

Удельный вес иностранного капитала в русской промышленности, начиная с 1880 г., систематически повышается, возросши накануне войны примерно в 2½ раза, т. е. с 17 до 47%. Война, потребовавшая от каждой из воюющих стран мобилизации всех ее средств, отвлекла внимание от заграничных инвестиций. Одновременно она стимулировала внутреннее производство. Поэтому 1915 г. — первый военный год — показывает уже снижение роли иностранного капитала в русской промышленности, продолжавшееся и в 1916 г.

Обращаясь к распределению иностранных капиталов среди отдельных отраслей, мы обнаруживаем, что отрасли, изготовляющие средства производства, — металлургия, горное дело и т. д. — являются преимущественной иностранной базой. В пионерский период своей деятельности иностранцы направляют примерно около 60% своих средств в тяжелую индустрию, а в конце ее уже приблизительно

[1] Акционерные (основные) капиталы — Ежегодники министерства финансов. Иностранная доля исчислена нами по данным уже упоминавшихся работ Оля. К сожалению, нам не удалось очистить данные об иностранных капиталах от коммунальных вложений, что несколько увеличивает, правда на незначительный процент, удельный вес иностранного капитала.

70%, но от суммы, во много раз превышающей первоначальные размеры. По отношению к сумме капиталов, работавших в соответствующих отраслях, доля иностранного капитала также особенно значительна в тяжелой промышленности. Если взять таких типичных представителей последней, как горное дело и добычу и обработку металла, то окажется, что иностранная доля в них колеблется в пределах ½—¾ общей суммы капиталов. При этом максимум приходится на канун войны, а минимум получается в самом ходе войны, в связи с ростом отечественного производства и замедлением притока капиталов извне в производительной форме. Следует также отметить сильное влияние иностранного капитала в химическом производстве, которое в значительной своей части может быть также отнесено к тяжелой промышленности (см. таб. 3).

В отраслях, не связанных с государственным хозяйством и казенным сундуком, иностранный капитал играл слабую роль. Это касалось в общем и целом легкой индустрии, развивавшейся органически, в процессе разложения домашней и кустарной промышленности, и бывшей одной из основных сфер, в которой происходило первоначальное накопление туземного капитала. Легкая промышленность отличалась относительно низким органическим составом капитала, так как по сравнению с тяжелой индустрией она опиралась в большей мере на живую силу, чем на овеществленный капитал. Поэтому сюда шел главным образом туземный капитал, ибо в легкой индустрии, благодаря непродолжительности оборота, капитал сравнительно быстро высвобождался, а это при слабости внутреннего накопления имело решающее значение. Впрочем, в текстильной промышленности происходил рост и иностранной доли, но все же последняя составляла не более ⅕ занятых в ней капиталов, так что она практически терялась в общей массе исконного русского капитала.

Захват иностранным капиталом командных позиций в русском хозяйстве отражал вполне правильную закономерность в эволюции экспорта капитала. С помощью инвестиций используя и другие каналы, капитализм осуществляет свою экспансию. В отсталой стране ввезенный капитал, естественно, отправляется от той индустриальной и финансовой базы, которая достигнута на его родине. Избыток денежного капитала и легкость его быстрой мобилизации допускают иммобилизацию аккумулированных средств в таких предприятиях, которые заняты изготовлением главным образом орудий и средств производства. Поэтому на новом месте он начинает с железных дорог, от которых приходит к металлургии и горному делу и т. д., и это уже одновременно обеспечивает ему влияние и на сельское хозяйство, а также на связанные с ним отрасли промышленности.

Такова и была роль иностранного капитала в России. Это можно проиллюстрировать следующим образом. Деля грубо национальное производство на два подразделения, — на отрасли, изготовляющие средства производства, и отрасли, производящие средства потребления [1], мы получаем, что примерно к началу войны (1914/15 г.) в первых было инвестировано всего капиталов 1 991 млн. руб., т. е. 58,5% от общей суммы или около ⅗, из них иностранная доля составляла 1 142 млн. руб. или около 60% капиталов данной группы; в отраслях, произ-

[1] К первому подразделению отнесены целиком горное дело, обработка металла, машиностроение, обработка минеральных веществ и половина химического производства; ко второму подразделению — все остальное.

Группы производств	1880 г.			1890 г.			1893 г.			1900 г.			1915 г.			1916/17 г.		
	Весь основной капитал	В том числе иностранный	% иностранной доли к капиталу данной отрасли	Весь основной капитал	В том числе иностранный	% иностранной доли к капиталу данной отрасли	Весь основной капитал	В том числе иностранный	% иностранной доли к капиталу данной отрасли	Весь основной капитал	В том чи ле иностранный	% иностранной доли к капиталу данной отрасли	Весь основной капитал	В том числе иностранный	% иностранной доли к капиталу данной отрасли	Весь основной капитал	В том числе иностранный	% иностранной доли к капиталу данной отрасли
Горное дело	—	22,9 } 28,3	—	85,8 } 113,6	55,7 } 69,6	—	100,9 } 133,6	61,0 } 77,4	—	392,2 } 649,5	343,8 } 469,4	—	} 1 700,1	740,8 } 1 063,5	} 63	1 302,2 } 1 938,2	693,4 } 1 065,7	55
Обработка металла и машиностроение	} 69,1	5,4	40,5	27,8	13,9	61	32,7	16,4	58	257,3	125,6	72		322,7		636,0	372,3	
Обработка минеральных веществ				6,7	0,2	3	9,1	0,2	2	59,1	26,6	45	129,9	185,7	14	141,9	17,7	12
Механическая обработка дерева	5,0	0,2	4	3,3	0,2	6	8,1	0,2	2,5	17,8	7,8	44	74,4	24,3	32	110,2	24,0	22
Химическое производство	10,5	1,6	15	15,6	6,4	41	17,1	9,4	55	93,8	29,3	31	173,2	70,8	41	180,2	81,1	45
Обработка вкусовых и питательных веществ	82,4	6,7	8	87,6	7,5	8	94,8	8,0	8	158,3	11,4	7	447,8	34,6	8	449,5	36,7	8
Обработка животных продуктов	3,9	3,0	75	7,3	3,1	43	6,6	3,1	50	16,5	5,9	35	54,2	14,5	26	55,7	14,5	25-
Бумажно-полиграфическое производство	?	0,4	—	11,4	1,1	9	14,3	1,1	7	31,8	6,1	20	93,2	19,9	20	75,1	25,4	33
Текстильная промышленность	109,0	7,8	7	197,6	26,0	13	225,9	37,0	16	373,7	71,4	20	729,2	155,0	21	796,3	166,0	21
Итого	**279,9**	**48,0**	**17,5**	**443,1**	**114,1**	**26**	**509,5**	**136,4**	**27**	**1 401,5**	**627,9**	**45**	**3402,0**	**1 401,3**	**41**	**3 747,1**	**1 431,1**	**38**

* Источники: 1880 г. — Ежегодники министерства финансов, вып. IX, 1881 г., стр. 456; 1890—1893 гг. — то же, вып. 1899 г., стр. 752—790; 1900 г. — то же, вып. 1906—1907 гг., стр. 286—289; 1915 г. — по данным министерства торговли и промышленности за 1915 г.; 1916—1917 г. — Ежегодники министерства финансов за 1916 г., стр. 218—315. Иностранные капиталы взяты из следующих работ П. Оля: «Цифровой анализ расчетного баланса России за 15 лет» (1881—1895 гг.); «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России», Ленинград 1925; «Иностранные капиталы в России», Ленинград 1922. Для 1893 г. для некоторых отраслей дана наша собственная оценка. В целях сопоставимости во всех графах приведены только основные (акционерные) капиталы.

водящих средства потребления, было инвестировано 1 411 млн. руб., т. е. 41,5% от всей суммы, в том числе иностранная доля составляла 259 млн. руб., или 18% капиталов этой группы. В течение нескольких лет войны произошли отдельные изменения, которые выразились в 1916/17 г. в следующем. Общая сумма капиталов увеличилась на 9—10%, но в соотношениях обоих подразделений народного хозяйства сохранились почти прежние пропорции: на I группу приходилось 2 280 млн. руб., или 60%, а на II—1 466 млн. руб., или 40%. Иностранный капитал, выступавший во время войны исключительно под флагом государственного кредита, остался в промышленности почти стабильным и поэтому снизил свой удельный вес с 47% в 1914 г. до 38% в 1916/17 г., причем в 1-м подразделении иностранная доля составляла 1 148 млн. руб., или 50% от капиталов данной группы, а во 2-м подразделении—283 млн. руб., или около 20% капиталов данной группы. Таким образом это показывает: во-первых, высокую структуру капиталов в русской промышленности накануне революции—до $^3/_5$ капиталов было инвестировано в отраслях, производящих основной капитал, и $^2/_5$ в отраслях, изготовляющих средства потребления; во-вторых, господство иностранного капитала в узловых пунктах хозяйства, в отраслях, производящих средства и орудия производства.

Пользуясь данным Оля, можно дать более детальную картину динамики иностранных капиталов в одной из главнейших отраслей— в горной промышленности, где роль иностранного капитала была в полном смысле ведущей (см. табл. 4).

Приведенная ниже таблица (стр. 24) еще нагляднее уясняет динамику иностранных инвестиций в России. Если отвлечься от военных годов, то выявляется отчетливая тенденция к возрастанию удельного веса иностранных инвестиций в горной промышленности в общем потоке иностранных капиталов: с 20% в 1880-х годах он остается накануне войны на прочном уровне 40%, превышая уровень первого промышленного подъема. Одновременно динамика капиталов показывает, что депрессия начала XX в. обрушилась всей своей тяжестью именно на горную промышленность, но последовавший подъем выправил положение. Так, в период подъема 1893—1900 гг. чистый приток иностранных капиталов в горное дело составил 300 млн. руб., или 37,5 млн. руб. в среднем в год; во время депрессии 1901—1909 гг. — 47 млн. руб., или 6 млн. руб. в год, и в подъем 1910—1914 гг.—278 млн. руб., или свыше 55 млн. руб. в год. Иностранный капитал доминировал в этой отрасли хозяйства, так как из всего акционерного капитала горной промышленности, составлявшего в 1911/12 г. 735,6 млн. руб. [1], иностранная доля равнялась в 1911 г.—526 млн. руб., а в 1912 г. уже 616 млн. руб. Эти цифры характеризуют положение в целом, но горная промышленность представляет конгломерат, в котором отдельные отрасли переживали различные фазы и каждая имела свою собственную историю, поэтому их необходимо еще рассмотреть особо. Но в общем следует признать, что иностранный капитал был

[1] П. Оль, Статистика акционерных предприятий за 1911/12 г. Эти данные сравнимы с цифрой иностранных капиталов.

ТАБЛИЦА 4

ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ В ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИХ ДОЛЯ В ОБЩЕЙ СУММЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ (в миллионах рублей)[1]

Годы	Общая сумма инвестиций	В горной промышленности	Доля горной промышленности в общей сумме инвестиций в %	Годы	Общая сумма инвестиций	В горной промышленности	Доля горной промышленности в общей сумме инвестиций в %
1880	92	18	20	1899	644	279	43
1881	109	23	21	1900	761	348	46
1882	120	23	19	1901	814	355	44
1883	133	26	20	1902	815	356	44
1884	136	30	22	1903	828	360	43
1885	147	32	23	1904	850	356	42
1886	159	33	21	1905	849	333	40
1887	160	34	21	1906	905	375	41
1888	178	39	22	1907	945	384	41
1889	179	39	22	1908	988	398	40
1890	186	46	25	1909	1 026	402	40
1891	198	45	23	1910	1 125	454	40
1892	201	48	23	1911	1 287	526	41
1893	203	49	25	1912	1 482	616	41
1894	209	53	25	1913	1 700	675	40
1895	244	84	34	1914	1 856	732	40
1896	321	112	35	1915	1 939	729	37
1897	378	145	38	1916	1 989	719	36
1898	476	209	44				

главным акушером русской горной промышленности, и он же не оставлял ее и в более зрелую пору ее существования.

Прежде чем перейти к детальной характеристике отдельных промышленных отраслей, остановимся еще на эволюции национального состава ввезенного капитала. Откладывая выяснение значения национальной принадлежности в экспорте капитала для заключительной части, приведем здесь суммарные цифровые данные[2] (табл. 5).

Уже с 1880-х годов важнейшие страны, экспортирующие капитал, заинтересовались Россией как местом выгодного его приложения, но в эту раннюю пору вплоть до начала 1890-х годов впереди шел англо-германский капитал, а романский капитал (франко-бельгийский) занимал лишь второе место. Но уже с 1890-х годов, вследствие вышеописанных событий, вплоть до национализации промышленности, провозглашенной советской властью в 1917 г., гегемония перешла к последнему.

Природа французского экспортного капитала была охарактеризована выше. Здесь можно добавить к сказанному еще следующее. Объединяя бельгийские инвестиции с французскими,—на это имеются осно-

[1] Данные получены путем учета реального притока и убыли капиталов, поэтому они несколько расходятся с соответствующими данными таблицы 3, где приведены нарицательные капиталы. См. П. Оль, Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России, стр. 17—18. К горной промышленности отнесены каменноугольная и нефтяная промышленность, а также добыча черного и цветных металлов и минералов.

[2] Данные включают капитал (акционерный и облигационный), инвестированный в хозяйство в целом, что в общем соответствует эволюции национального состава капитала и в промышленности. До 1915 г. (включительно) — П. Оль, Иностранный капитал в народном хозяйстве довоенной России; 1916/17 г. — Иностранные капиталы в России, изд. 1922 г. Следует иметь в виду, что Оль не учитывает секвестра австро-германских предприятий во время войны, произведенного по постановлению правительства.

ТАБЛИЦА 5

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ, РАБОТАВШИХ В РОССИИ (в миллионах рублей)

Национальность	1880 г.			1890 г.			1900 г.			1915 г.			1916/17 г.		
	Акционерный	Облигационный	Итого	Акционерный	Облигационный	Итого	Акционерный	Облигационный	Итого	Акционерный	Облигационный	Итого	Акционерный	Облигационный	Итого
Французские	26,8	4,6	31,4	61,4	5,2	66,6	210,1	16,0	226,1	594,4	93,5	687,9	644,0	87,6	731,7
Английские	29,0	1,1	30,1	29,8	5,5	35,3	102,8	34,0	136,8	491,5	43,9	535,4	463,7	43,7	507,4
Германские	29,8	—	29,8	68,8	10,2	79,0	197,4	21,9	219,3	399,0	37,1	436,1	404,7	36,8	441,5
Бельгийские	1,7	—	1,7	17,1	7,5	24,6	220,1	76,4	296,5	230,4	88,3	318,7	234,6	86,9	321,6
Северо-американские	—	—	—	2,3	—	2,3	8,0	—	8,0	114,0	—	114,0	117,7	—	117,7
Голландские	2,1	—	2,1	2,8	0,1	2,9	5,0	0,1	5,0	29,6	0,2	29,8	36,2	0,2	36,4
Швейцарские	0,05	—	0,05	0,5	—	0,5	2,9	0,4	3,3	28,2	0,3	28,5	33,1	0,3	33,4
Шведские	—	—	—	—	—	—	3,1	—	3,1	20,5	0,6	21,1	23,7	—	23,7
Датские	0,2	—	0,2	0,9	—	0,9	6,0	—	6,0	12,4	0,5	12,9	14,2	—	14,2
Австрийские	1,5	—	1,5	2,2	—	2,2	5,6	0,3	5,9	10,9	0,2	11,1	7,5	—	7,5
Итальянские	0,4	—	0,4	0,4	—	0,4	0,7	—	0,7	4,1	—	4,1	2,5	—	2,5
Норвежские	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,3	2,0	6,3	2,3	—	2,3
Финские	—	—	—	—	—	—	0,2	—	0,2	—	—	—	2,0	—	2,0
Итого	**91,5**	**5,7**	**97,2**	**186,2**	**28,5**	**214,7**	**761,9**	**149,1**	**911,0**	**1 939,3**	**266,6**	**2 205,9**	**1 986,7**	**256,2**	**2 242,9**

вания, так как много концессионных сделок с французскими капиталистами заключались в Бельгии ввиду эластичности бельгийского акционерного законодательства и тесной связи, существовавшей между кредитными учреждениями обеих стран,—можно констатировать, что львиная доля инвестиций французского капитала—около половины—была помещена в добывающей промышленности и была сконцентрирована в важнейшем центре тяжелой индустрии—в Донбассе. Французский капитал ослаблял свой производственный фронт за счет форсирования русской металлургии и добычи топлива, вызванных к жизни развитием русского транспорта, питавшегося в свою очередь огромными французскими займами. В награду за это русская армия и дипломатия поддерживали до войны агресивность французского империализма, а во время империалистической войны не раз выручали его из беды.

Ввоз германских и английских капиталов в Россию вызывался причинами двоякого порядка. С одной стороны, Англия и Германия поддерживали с Россией оживленные торговые сношения и рассматривали ее как существенную базу сырья и продовольствия, вывоз которых должен был компенсироваться либо ввозом средств производства и фабрикатов, либо доходом от инвестированных в России капиталов. Особенно большое значение это имело для Германии, так как, в отличие от Великобритании, ее колониальные владения были незначительны. В этом отношении, т. е. в смысле превращения России в свое аграрное дополнение, Германии удалось достигнуть значительных успехов, как это видно из структуры довоенной русско-германской внешней торговли. С другой стороны, путем ввоза капиталов Англия и Германия стремились к созданию опорных пунктов внутри России для своей промышленности и в интересах своей последующей мировой экспансии, причем, в отличие от Франции, обе страны играли сравнительно небольшую роль в русской черной металлургии и в добыче твердого топлива, так как они сами являлись главными мировыми поставщиками продукции этих отраслей.

Германский экспортный капитал имел более тесные и более систематические связи с русским хозяйством, чем британский, что объяснялось в первую очередь географической близостью обеих стран. Благодаря соседству территорий и сходству хозяйственных условий пограничных областей было обеспечено сотрудничество и взаимозависимость территориально близлежащих промышленных отраслей. Используя естественные условия, немецкие предприниматели заняли заметное место в текстильной и горной промышленности б. Царства Польского, а также в хозяйстве и других пограничных районов. Но это были большей частью пионеры, которые эмигрировали в большинстве своем еще до полного сформирования германского капитализма и поэтому в значительной мере акклиматизировались на новом месте, хотя и продолжали поддерживать финансовые связи со своей прежней родиной.

Другой характер имел экспорт капитала из Германии в позднейшую эпоху, когда на сцену выступили мощные германские концерны. В этот период германский экспортный капитал обслуживал интересы своей национальной индустрии путем открытия в России филиальных (дочерних) отделений крупных германских промышленных объединений—электрических, химических, машиностроительных и т. д., или путем учреждения внешне самостоятельных, но фактически подсобных предприятий, занимавшихся добыванием сырья для отечественных комбинатов и сбытом их продукции. При этом осуществлялась увязка и с задачами внешней торговли, что облегчалось как большими размерами непосредственных торговых сношений обеих стран, так и выдающейся посреднической ролью Германии. В этом отношении германский капитал проявлял замечательную гибкость и изворотливость. Если, например, русский таможенный тариф превращался в препятствие для ввоза готовых промышленных изделий из Германии, то с помощью импортированного капитала германский концерн открывал в России свое отделение, которое продолжало здесь дальнейшую промышленную обработку германского полуфабриката того же концерна, поскольку ввоз полуфабрикатов встречал меньше таможенных ограничений [1]. Таким образом ряд германских предприятий на русской территории обслуживал какую-нибудь деталь технологического процесса, представляя производственное целое лишь со своим «материнским» предприятием в Германии. В общем можно с полной определенностью констатировать, что в основном германский вывоз капитала в Россию строго выполнял программу своей отечественной промышленности—всеми усилиями увеличивать ее загрузку за счет заграничных заказов и обеспечивать ее регулярное снабжение недостававшим сырьем.

Экспорт британского капитала в Россию отличался неравномерностью как по времени, так и в смысле распределения между отдельными отраслями. Главная масса английской эмиссии шла в колонии и в Америку, в Европу же, и в Россию в том числе, попадала крайне незначительная часть [2]. Связи английского текстильного капитала с русской текстильной промышленностью имеют почтенную давность. Отдельные английские предприниматели с давних пор перекочевывали в Россию. Благодаря их посредничеству, а также известного Кноппа, аппарат русской текстильной промышленности в подавляющем большинстве оказался английского происхождения. Но предоставлявшийся с этой целью кредит, по существу, имел краткосрочный характер. Что касается долгосрочных инвестиций в русской текстильной промышленности, то их удельный вес в общей массе британских инвестиций в России был довольно значителен, но ввиду «истинно-русского» характера этой индустрии они большого значения не имели.

За вычетом вложений в текстильную промышленность, инвестиции в другие отрасли были сравнительно недавнего происхождения и отличались весьма устойчивым характером. Интерес англичан концентрировался главным образом на финансировании добычи важнейших видов промышленного сырья—нефти и ее продуктов, цветной металлургии, причем внимание на нефть было обращено еще в конце

[1] Это иллюстрирует мысль Ленина, что в эпоху монополистического капитализма таможенная ограда еще не является гарантией против эксплоатации слабых стран мировым империализмом.

[2] Британские инвестиции в России резко возрастают, начиная с 1909—1910 гг., что ясно из следующей таблицы. Weltwirtschaftliches Archiv, февраль 1913 г. Военные кредиты в таблицу не включены.

АНГЛИЙСКИЙ КАПИТАЛ, ИНВЕСТИРОВАННЫЙ В РОССИИ

Годы	Тыс. фунт.	Годы	Тыс. фунт.
1910	3 918	1913	8 955
1911	5 208	1914	12 744
1912	10 490	1915	9 522

1890-х годов, когда началась скупка русских нефтяных предприятий, испытывавших финансовые затруднения, отдельными группами английских предпринимателей. Однако подлинное оживление и даже ажиотаж с русскими ценностями имели место накануне последнего предвоенного подъема. Об этом можно судить по размерам британских инвестиций в русские ценности в этот период.

Интересно, что хотя сумма инвестиций в русские ценности составляла незначительный процент по отношению ко всему инвестированному за границей капиталу (по данным Пейша в 1910 г. последний равнялся 3 191 млн. фун.), но она уже в 1910 г. превосходила английские инвестиции в любой из европейских стран. В 1910—1912 гг. положение еще больше изменилось в пользу России. В то время как общая сумма нового английского капитала, инвестированного за границей, постепенно понижалась, в России наблюдалась обратная картина — стремительное увеличение инвестированных сумм. По данным известного английского концессионера в России Урквара, сообщенным в докладе, прочитанном им в начале 1917 г. в научном обществе Royal Society of Arts, капитал, инвестированный Англией за границей за период 1907—1913 гг. составлял 1 127 млн. фун., в том числе в России—46 млн. фун. По исчислению Пейша [1], промышленные ценности составляли в 1910 г. примерно несколько менее половины инвестиций, причем главными районами английских инвестиций в России были — Кавказ, Урал и Сибирь.

Английский капитал в очень короткое время занял доминирующее место в русской нефтяной промышленности и был почти монополистом в цветной металлургии. Проводником английских интересов в русских нефтяных районах был англо-голландский трест, возглавлявшийся Детердингом. Благодаря английскому капиталу, а также немецкому, действовавшему через Deutsche Bank и Disconto-Gesellschaft русская нефтяная промышленность то вступала в единоборство с организатором американской нефтяной индустрии Standard Oil, то выступала с ним единым фронтом против огромной армии потребителей. С другой стороны, основные нефтяные районы России, примыкая к нефтяным владениям британских концернов в Южной Персии и в Азиатской Турции (Мосул), представляли важнейшую опорную базу британского капитала в его международной экспансии и в мировой борьбе за нефть, от которой немало зависела морская гегемония Англии. Распутывая сложный клубок нефтяных интересов империалистических государств в дореволюционной России и в других странах, мы непосред-

---

[1] Journal of the Royal Statistical Society, vol. 74, 1910—1911, Great Britains Capital Investments in Individual, Colonial, Foreign Countries by George Paish. Пейш приводит помещенную ниже таблицу, иллюстрирующую распределение вложенного капитала по отдельным отраслям русского хозяйства в 1910 г.

	Млн. фунт. стерл.
Русские государственные займы	16,03
» городские	13,07
» железнодорожные	2,01
» кредитные и с.-х. учреждения	0,94
» газовые заводы и водопроводы	0,13
» угольные, железные и стальные предприятия	2,81
» горные предприятия	5,26
» нефтяные »	8,11
Итого	38,38

ственно врываемся в сферу внешней политики, где дипломатические переговоры и объявление войны исходят от нефтяных Наполеонов и Талейранов, а нефтяная политика осуществляется ведомствами иностранных дел за дипломатическим столом.

Приведенная выше таблица английских инвестиций в России показывает, что и во время войны, по крайней мере в первые годы войны, британский капитал усиленно использовал свои финансовые преимущества для завоевания новых позиций в русском хозяйстве. Финансовые затруднения толкали русские предприятия искать помощи у своего богатого союзника, и, по газетным сообщениям, много русских обществ по эксплоатации залежей золота, платины, меди, асбеста и т. п. прибегли во время войны к содействию английского капитала, однако конкретных данных, позволяющих определить размеры этой «помощи», не имеется. Интересно, что в своем выступлении в начале 1916 г. английский посол в Петрограде сэр Георг Бьюкенен указал, что только укрепление военной воли России является первой компенсацией за хозяйственную помощь со стороны Англии, иначе говоря, лишь «война до победного конца» давала право на финансовую поддержку.

Большую активность и интерес к русскому хозяйству во время войны проявлял американский капитал. До войны экономические связи САСШ с Россией не отличались оживлением и в количественном отношении были незначительны, что объяснялось естественными и экономическими условиями развития обоих государств. Внешняя торговля развивалась медленно, ибо ввиду сходства хозяйственной структуры в экспорте обеих стран преобладали продукты сельского хозяйства, с добавлением продуктов добывающей промышленности в американском вывозе. Географическая отдаленность и крайний протекционизм воздвигали между ними трудно проходимую грань.

Что касается экспорта капитала, то сами САСШ являлись до войны ареной приложения иностранного капитала, а поскольку вывозили капитал, они направляли его в первую очередь в соседние страны — Канаду и государства Центральной и Южной Америки. Однако незадолго до войны имели место немногочисленные, но по своим размерам весьма значительные американские промышленные инвестиции в России. Так было открыто отделение известной Мануфактурной компании Зингер (The Singer Manufacturing C[0]) с акционерным капиталом в 50 млн. руб. и русское дочернее общество Международной компании жатвенных машин (International Harvester C[0]) с капиталом в 60 млн. руб. Но в общей массе американские инвестиции в России занимали лишь пятое место, достигая 117,7 млн. руб., или 5,2% от всех вложений.

Во время войны САСШ взяли на себя роль поставщика военных материалов и снаряжения для союзников, в том числе и для России. Крайне вырос американский импорт в Россию, экспорт же из нее, незначительный и до войны, крайне сократился. Кроме того увеличились американские кредиты, предоставленные русскому правительству. В апреле 1917 г. Временное правительство сдало заказ американцам на 2 тыс. паровозов и 40 тыс. вагонов на сумму 750 млн. долларов.

Для покрытия неблагоприятного расчетного баланса единственным выходом были новые кредиты и инвестиции. Наибольший интерес со стороны американцев привлекал железнодорожный транспорт. Специальная американская комиссия во главе со Стевенсом обследовала состояние русских железных дорог и представила доклад с рядом

указаний по улучшению транспорта министру торговли и промышленности. Партии американских инженеров и инструкторов работали на русских железных дорогах в качестве военнообязанных с целью «помочь союзной стране в общем деле борьбы с Германией».

В 1917 г. происходили совещания агентов русского правительства с участием представителей американского капитала по вопросу о предоставлении последнему концессий в русском хозяйстве. Одно из таких совещаний вычислило, что для развития металлургической индустрии России требуется 1 млрд. руб., на развитие разработок горючих веществ—4 млрд. руб., из коих на нефть—1 млрд., на уголь — 3 млрд. На железные дороги требовалось 4 млрд., на цементную промышленность и родственные отрасли — 1 млрд. Горный департамент выработал проект концессий, которые намеревались предоставить американцам. Здесь фигурировали концессии на разработку сахалинской нефти и угля, золотых россыпей на Алтае, каменного угля в Восточной Сибири и в Кузнецком бассейне, на разработку угля и торфа и электрификацию Подмосковного бассейна, постройку коксовых печей и развитие южно-русской каменноугольной промышленности, добычу железной руды на Урале, медную и марганцевую промышленность, использование водной силы и курортов на Кавказе и т. д.

Из сохранившейся в архивах переписки министров кабинета Штюрмера от августа 1916 г., в связи с ходатайством американского банка The National City Bank of New York о допущении его к деятельности в России и открытии отделений в русских городах, видно, какое большое значение придавали официальные правительственные круги привлечению американского капитала в русское хозяйство. Министр финансов Барк, поддерживая ходатайство американского банка, вопреки твердо усвоенному, как он выражается, нашей кредитной политикой принципу национальности, согласно которому иностранные банки вообще не получают концессий в России, ссылается на необходимость наличности в России компетентного и пользующегося доверием в САСШ кредитного учреждения, при посредстве коего американский капитал мог бы финансировать русскую промышленность. Считая, что после войны Франция и Англия не смогут уделить значительных средств для нужд других государств, он подчеркивает возрастающую роль САСШ как кредитора. Наблюдения над американским денежным рынком, отмечает Барк в своем послании к совету министров, показывают, что весь его интерес сосредоточен на дивидендных ценностях и что твердопроцентные бумаги не находят себе широкого спроса среди американских капиталистов. Поэтому, если на американский рынок нельзя возлагать особых надежд для размещения на нем облигаций государственных займов, то, наоборот, при известных условиях свободные денежные ресурсы, скопившиеся в Америке, охотно пойдут в иностранную промышленность.

Как известно, The National City Bank of New York успел открыть в России два отделения, из которых одно в Сибири; стали также прибывать представители отдельных американских промышленных отраслей, но вся совокупность финансовых взаимоотношений между обеими странами ходом последующих событий получила другой оборот, и их развитие было надолго задержано.

ГЛАВА IV

ВЛИЯНИЕ ВВОЗА ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА НА РУССКУЮ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ КОНЪЮНКТУРУ И ВНЕШНЮЮ ТОРГОВЛЮ

Развитие русского капитализма за счет вытеснения отсталых натуральных форм хозяйства вовлекало Россию в систему мирового капиталистического хозяйства и его циклических колебаний. Промышленные циклы со свойственными им фазами подъема и упадка стали с конца XIX в. неизменными спутниками и русского экономического развития. Но, разумеется, в силу отсталости и огромного веса полунатурального сельского хозяйства в экономике страны, форма и характер циклов, их длительность и интенсивность, чередование конъюнктурных фаз и т. д. видоизменялись. Тем не менее параллелизм с общей эволюцией передовых капиталистических стран был довольно четким, на что большое влияние оказывали иностранные инвестиции, связывавшие русское хозяйство с западно-европейским денежным и товарным рынками.

Капитализм, развиваясь вширь, создает одновременно все более и более тесную связь в хозяйственных взаимоотношениях разных стран. Закладывая основу для общности их экономических судеб, он в значительной мере обусловливает взаимозависимость национальных конъюнктур. Это достигается благодаря тому, что с развитием капитализма национальный рынок становится составной частью мирового рынка, выступающего как единство во взаимодействии своих частей и в борьбе противоречивых сил.

«...С развитием капитализма интернациональное сплетение экономических процессов становится все более тесным, а потому и в кризисах явления, разыгрывающиеся в одной стране, со всеми особенностями, определяемыми стадией ее технического и организационного развития, оказывают обратное действие на кризис, развертывающийся в другой стране» [1]. Что касается других фаз цикла, то международное сплетение сказывается и на них, хотя повидимому в более ослабленной степени.

Связь России с другими странами, главным образом с Европой, осуществлялась через движение капиталов и товаров, т. е. через импорт иностранного капитала и внешнюю торговлю с ее механизмом мировых цен. Что касается ввоза иностранного капитала, то под ним следует разуметь не одни только инвестиции, как бы ни была значительна их роль. К ним необходимо присоединить также огромные размеры кредитования за границей государства и других публичных органов.

Хотя с общехозяйственной точки зрения значительная часть государственных займов затрачивалась непроизводительно и нерационально, например на милитаризм, стратегические железные дороги, часто по указке других стран, но, учитывая специфическую особенность русской хозяйственной структуры — значительную роль государственного хозяйства — следует признать, что публичные займы вместе с инвестициями оказывали огромное влияние на ход хозяйственной конъюнктуры, благодаря двойному эффекту: они создавали в народном хозяйстве добавочную покупательную силу, и одновременно стимулировали рост транспорта и тяжелой индустрии.

[1] Гильфердинг — Финансовый капитал, стр. 320.

Во всех странах железнодорожное строительство оказывало решающее влияние на промышленный цикл. Но в России это влияние было особенно значительно, благодаря двум обстоятельствам. Одно из них состояло в том, что внешний государственный кредит, являясь источником финансирования железнодорожного строительства, сам в свою очередь зависел от последнего, так как каждый новый железнодорожный проект предоставлял в распоряжение правительства новые пакеты ценных бумаг, энергично им скупавшиеся для продажи их за границей и для выравнивания заграничных платежей. Это крайне поощряло железнодорожное грюндерство и вызывало в стране промышленный «бум». Действительно, за период 1885—1913 гг. железнодорожный транспорт привлек 5,1 млрд. руб., т. е. примерно столько же, сколько и промышленность, колеблясь в пределах 200—300 млн. руб. в год [1].

Другое обстоятельство, повышавшее темп экономической жизни и также связанное с развитием парового транспорта, состояло в том, что, в отличие от других отсталых стран, развивавших свои средства сообщения также с помощью иностранного капитала, оборудование для русского транспорта поступало не из-за границы, а за счет отечественного производства, что в свою очередь создавало благоприятные условия для развития собственной металлургической и каменноугольной промышленности.

Влияние иностранного капитала на русское хозяйство особенно возросло в связи с усилением импорта капитала после перехода в конце 1870-х годов от умеренного фритредерства к протекционизму. С помощью покровительственных пошлин, направивших интерес иностранных капиталистов к ввозу капитала в Россию, крупная индустрия получила мощный толчок для своего дальнейшего развития. Именно с этого момента связь внутренней и мировой конъюнктуры стала усиливаться, так как законы капиталистического цикла получили развитие и в России.

В чем же выражалось взаимодействие национальной и интернациональной конъюнктуры?

На этом вопросе довольно подробно останавливается проф. Первушин в своей работе «Хозяйственная конъюнктура». «В XIX в., — пишет он там [2],—особенно в семидесятых и восьмидесятых годах и отчасти в девяностых, когда финансирование русской промышленности и торговли и их расширение шли *главным образом* за счет иностранного капитала, по преимуществу французского, — колебания общей хозяйственной конъюнктуры России шли параллельно с колебаниями западно-европейской конъюнктуры, в своих деталях нередко даже ближе всего совпадая с конъюнктурными колебаниями французского народного хозяйства (а не английского, с которым сопоставлял М. И. Туган-Барановский), на первый взгляд менее экономически соприкасающегося с русским народным хозяйством».

Утверждения проф. Первушина, мягко выражаясь, расходятся с исторической действительностью. Он, с одной стороны, грубо смешал различные эпохи: 1870-е годы с их относительным экономическим либерализмом и 1880-е и 1890-е годы—период усиливающегося протекционизма и роста крупной индустрии. С другой стороны, он преувеличил влияние французского хозяйства и не учел роли других стран,

[1] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, Гиз, стр. 184.

[2] С. Первушин, Хозяйственная конъюнктура, изд. «Экономическая жизнь», стр. 194, курсив автора.

как Германии и Англии. Чисто внешнее сходство между движением французской учетной ставки и некоторыми русскими конъюнктурными показателями [1] убедительно только для проф. Первушина, который заменяет экономический анализ «игрой в цифирь». На основе такой же поверхностной аналогии с лондонской ставкой можно притти к таким же выводам о тождестве с английской конъюнктурой. Наконец почтенный профессор «от конъюнктуры» извратил факты, так как французский капитал не играл в 1870-х и 1880-х годах той роли, какую он ему приписал. Как известно из предыдущего, прочная связь русского хозяйства с французским денежным рынком установилась лишь с конца 1880-х годов. До этого как раз немецкий капитал и отчасти английский играли в России первую роль. Англия и Германия, кроме того, поддерживали оживленные торговые сношения с Россией, развивая как импортные, так и экспортные операции. Удельный же вес русско-французской торговли был ничтожным и оставался таковым и в дальнейшем, что обусловливалось между прочим отсталостью французской экономической структуры.

Конкретный материал, приведенный проф. Первушиным, лишь свидетельствует, что с 1870-х годов действительно начинает устанавливаться связь между русской и мировой конъюнктурой, которая в дальнейшем развивается. В этом отношении он и другие русские экономисты более правы, чем например В. Митчелль, который устанавливает в своих Business Annals (стр. 93), что Россия вместе с Южной Африкой, Бразилией и Китаем более всех отклонялись, благодаря своей отсталой экономической организации, от общемирового цикла. Однако эта связь была более тесной с английской и германской конъюнктурой, чем с французской, вопреки рассуждениям проф. Первушина. Подобная связь является вполне естественной ввиду указанных взаимоотношений этих стран с Россией. Влияние промышленного цикла этих хозяйств, в особенности английского, определявшего в то время ход мирового капитализма, должно было проявиться тем отчетливее, что Россия до 1880-х годов была страной относительно свободной торговли, и поэтому действие английской конъюнктуры сказывалось в этот период на русском хозяйстве без пертурбирующего влияния покровительственных пошлин. Впоследствии, с превращением России в страну крайнего протекционизма, характер взаимодействия русской и иностранной конъюнктуры стал не столь непосредственным, но тут на сцену выступил экспорт капитала.

Таким образом для более ранней стадии русского капитализма прав не Первушин, а скорее Туган-Барановский.

Но Туган-Барановский не прав в другом отношении—в преувеличении роли иностранного капитала как фактора конъюнктуры, что находится в связи с его ошибочной теорией кризисов. Поверхностность его теории выступает в этом случае с полной наглядностью. Но предоставим слово самому автору. «Причины кризисов,—пишет Туган-Барановский,—коренятся в сфере накопления и расходования обществен-

[1] Приложенная Первушиным таблица (Хоз. конъюнктура, стр. 195) для иллюстрации его мысли ровно ничего не доказывает. Почему совпадение роста русской железнодорожной сети и потребления железа с низкой учетной ставкой в Париже означает тождество конъюнктурных колебаний обеих стран, неизвестно. Эти данные указывают только на благоприятные условия для перехода капитала из одной страны в другую, развитие же конъюнктуры в обеих странах могло быть даже различным.

[2] Туган-Барановский, Русская промышленность за 10 лет, «Современный мир», 1910, № 12.

ного капитала; непрерывно накопляющийся в капиталистическом хозяйстве свободный капитал скопляется в банках и, проникая в промышленность, вызывает подъем; но промышленный подъем, создавая на капитал огромный спрос, превышающий предложение, приводит к исчерпыванию свободного ссудного капитала; недостаток же капитала на ссудном рынке приводит к сокращению производства и кризису. Этими причинами вызывается периодичность промышленных кризисов во всем капиталистическом мире, и этими же причинами был вызван и наш кризис 1899 г. Но, как общее правило, за промышленным кризисом следует новый подъем, благодаря тому что тот же механизм начинает действовать снова: капитал опять накопляется в банках, что и приводит к новому промышленному подъему. У нас этого не произошло — и по следующим причинам. Россия принадлежит к числу стран, бедных капиталами. Наш собственный капитал накопляется в стране в таком незначительном количестве, что его недостаточно для значительного промышленного подъема. Могут ли иностранные капиталисты затрачивать свои деньги на устройство разных промышленных предприятий в России, когда даже те скудные капиталы, которыми мы располагаем, стали уходить за границу, что несомненно имело место в разгар революции».

Итак, несоответствие между предложением ссудно-денежного капитала и спросом на него—причина промышленного кризиса. Капитал в денежной форме—демиург промышленного цикла, хотя Маркс достаточно убедительно показал, что движение ссудно-денежного капитала является производным и обусловливаемым по отношению к движению производительного капитала. Во время кризиса потому и чувствуется недостаток денежного капитала, что хозяйство испытывает заминку в воспроизводстве производительного капитала, которого слишком много. Туган-Барановский смешал конъюнктурный симптом с причиной, не заинтересовавшись, почему же в фазу подъема наблюдается превышение спроса на капитал над его предложением, а в депрессию—противоположное положение, т. е. игнорировал то, что теоретик кризисов обязан объяснить.

Но рассуждения Туган-Барановского о влиянии иностранного капитала на движение промышленного цикла еще более обнаруживают банкротство его теоретических построений. Согласно своей теории, он должен был бы обнаружить прилив иностранных капиталов во время депрессии 1905 и последующих годов, так как в эту фазу, по его словам, происходит накопление капитала. Но вопреки этому он вынужден констатировать, что иностранцы вместе с русскими капиталистами отказывались от устройства разных предприятий в России, и капиталы эмигрировали за границу. В период же улучшения конъюнктуры, вопреки Тугану, поток принимал обратное направление, как это достаточно вразумительно показывают таблицы о динамике иностранного капитала в России. Таким образом происходил вполне закономерный процесс, ибо капитал привлекается видами на доход, который низок в первом случае и высок во втором. Эту же тенденцию обнаруживало и развитие иностранного краткосрочного банковского кредита: высший кредит, предоставленный русским коммерческим банкам заграничными банками, составлял: в 1905 г.—75,7 млн. руб., в 1906 г.—84,6 млн. руб., в 1910 г.—158 млн. руб., в 1911 г.—267 млн. руб., в 1912 г.—223 млн. руб., а за 1900—1904 гг. не выше 41 млн. руб. [1]

[1] И. Левин, Германские капиталы в России, Спб. 1914, таблица XIV.

Далее Туган-Барановский не учитывает многообразия форм, в каких вливается иностранный капитал. По его теории—исключительно в форме денежного капитала; но это является грубой ошибкой. На самом же деле новый капитал является нередко номинальным, будучи использован для погашения старых платежей; с другой стороны, он вливается часто в форме товарного капитала, содействуя непосредственно кругообороту производительного капитала. Прилив же ссудно-денежного капитала, например в форме золота или девиз, играет обычно незначительную роль в развертывании промышленного цикла.

Итак, исследуя связь между вложением иностранных капиталов в русское хозяйство и развитием русской конъюнктуры, мы должны признать, что прилив средств извне скорее следовал за конъюнктурой, усиливаясь в повышательную фазу и снижаясь в период ее падения, а не наоборот [1]. Наряду с этим между темпом хозяйственной динамики и размерами иностранных инвестиций существовало самое живое взаимодействие, выражавшееся в том, что привлеченный благоприятными видами конъюнктуры иностранный капитал становился в дальнейшем крайне мощным фактором поступательного хода конъюнктуры, подготавливавшим в свою очередь своим чрезмерным искусственным стимулированием ее крушение. В общем иностранный капитал играл, особенно на первых порах своей деятельности, такую же роль, как и кредит, в деле финансирования хозяйственной конъюнктуры, но более резкую и сильную, что вытекало из его внешней роли по отношению к русскому хозяйству, благодаря которой во время подъема прилив капитала происходил не только за счет капитализации полученной прибыли, но и новых средств, а в фазу депрессии начинался «исход» или в лучшем случае происходила задержка притока нового капитала.

Что касается влияния конъюнктурных колебаний стран, вывозивших капитал, со своей стороны, на русскую конъюнктуру, то в общем и целом они парализовались тем, что условия для ввоза капитала в Россию оставались большей частью весьма благоприятными. Прекращение притока капитала вследствие поворотов конъюнктуры в той или иной стране легко было восполнить достаточным предложением нового источника. Выравнивание и лавирование среди различных групп инвесторов было всегда возможно, так как Россия являлась до войны излюбленным полем для приложения международного капитала; благодаря этому русская конъюнктура в общем не имела отпечатка «заемной» конъюнктуры.

Мы не можем также констатировать, на основе русского опыта, непосредственной и тесной связи между экспортом капитала в Россию и развитием ее ввозной торговли. Другая связь—между ростом вывоза и иностранными вложениями, точнее, платежами за вложения,—наоборот, бросается в глаза. При этом характерно, что страны, занимавшие по вывозу капитала в Россию первые места, по экспорту товаров в нее находились на последних местах. Это наглядно подтверждается динамикой и структурой внешней торговли (табл. 6 на стр. 36).

Приведенные данные показывают, что торговые сношения развивались наиболее оживленно с Германией, как абсолютно, так и относительно, затем следовала Великобритания и позади них стояли уже Франция и Бельгия. По ввозу промышленного оборудования в Россию Германия точно так же занимала первое место, причем

[1] Сказанное не относится к публичным займам за границей, которые определялись и политическими причинами.

[2] Обзоры внешней торговли России по Ежегодникам министерства финансов.

ТАБЛИЦА 6

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ РОССИИ С ЕЕ ГЛАВНЕЙШИМИ КРЕДИТОРАМИ (в миллионах рублей)

Годы	Франция			Великобритания			Бельгия			Германия		
	Вывоз из России	Ввоз в Россию	В том числе промышленное оборудование	Вывоз из России	Ввоз в Россию	В том числе промышленное оборудование	Вывоз из России	Ввоз в Россию	В том числе промышленное оборудование	Вывоз из России	Ввоз в Россию	В том числе промышленное оборудование
1894	56	28	1,4 [1]	175	133	18,5 [1]	27	17	3,3 [1]	148	143	28,0 [1]
1897	64	28	1,8	151	115	16,7	33	24	4,9	175	202	35,2
1900	57	31	1,4	146	127	24,1	23	9	2,0	188	217	44,8
1903	76	28	0,8	218	114	11,7	43	9	0,2	233	242	33,3
1906	77	29	1,0	225	106	12,8	41	7	0,2	285	298	42,0
1909	89	50	0,9	289	128	15,8	64	7	0,1	387	363	55,1
1910	94	61	1,0	315	154	15,5	67	7	0,4	391	450	74,8
1911	91	57	1,0	337	155	21,2	55	7	0,5	491	488	89,6
1912	98	56	1,0	328	142	15,5	59	8	0,3	454	532	96,5
1913	101	57	1,0	268	173	20,7	65	9	0,4	454	652	124,6

ее удельный вес повышался, увеличившись с 50% в 1895 г. до 75% в 1913 г. При все возраставшем ввозе оборудования Англия занимала второе место, но ее удельный вес упал с 33 до 13%. Роль остальных стран была незначительна. Между тем по размерам инвестиций положение было обратным, о чем свидетельствуют следующие данные [2]:

ТАБЛИЦА 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ КАПИТАЛОВ, РАБОТАВШИХ В РОССИИ, ПО ГЛАВНЫМ НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ (в миллионах рублей)

Страны	1880	1890	1900	1915
Франция	31	66	226	687
Великобритания	30	35	136	535
Германия	29	79	219	436
Бельгия	1	24	296	318
САСШ	—	2	8	114

Если к инвестициям еще присоединить роль публичных займов, в которых Франция до войны играла доминирующую роль, то наше утверждение об отсутствии прямой связи между развитием экспорта капиталов и товаров в Россию еще более подтвердится. Разумеется, нельзя отрицать наличность косвенной связи между ними. Ввоз капитала стимулировал производственную активность страны и расширял ее внешний товарообмен. Но во всяком случае взаимодействие экономической структуры, географическая близость и транспортные расходы, а также связь между размерами экспорта и импорта, знание рынка и т. п. перевешивали влияние этого фактора. Поощрение ввоза капиталов, создаваемое протекционизмом, само по себе еще не влечет за собой усиления вывоза товаров, если последний не опирается на достаточно конкурентоспособную материальную базу вывозящей страны. Довоенные экономические отношения России с Германией, носившие преимущественно торговый характер, а с другими западными странами—финансовый, вполне подтверждают это положение.

[1] Данные относятся к 1895 г.

[2] П. Оль, Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России, 1925. В итог включены и облигационные капиталы.

ГЛАВА V

РАСЧЕТНЫЙ БАЛАНС РУССКОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Иностранный капитал не только давал русскому хозяйству, но и получал от него. Поступления в пользу иностранного капитала определялись размерами доходов, присваивавшихся инвесторами, причем часть этих доходов снова обращалась в инвестиции, другая же часть вывозилась за границу, овеществившись в сырые и продовольственные ресурсы, недостававшие странам-кредиторам.

Финансовые взаимоотношения России с внешним миром были крайне обширны и многообразны, притом отличались давностью, поэтому их распутывание представляет большие трудности. На протяжении многих лет финансирования русского хозяйства иностранным капиталом нередко имели место перегруппировки среди кредиторов, изменялись формы внешнего кредитования, взаимно переплетаясь и пересекаясь с каналами внутреннего кредита, создавались новые объекты инвестирования и изменялся характер старых. Однако, несмотря на этот сложный клубок сплетений, основные линии финансовых взаимоотношений можно восстановить и на основе этого выявить хотя бы приближенный баланс и исчислить сальдо международных обязательств России.

Рассмотрим сначала финансовые связи русского хозяйства с иностранным капиталом, не касаясь роли других форм кредита—государственного, транспортного и т. д. Отчетливое представление об этом можно составить по следующей таблице, представляющей расчетный баланс совокупных отраслей русского хозяйства и иностранного капитала за период 1887—1913 гг. (см. табл. 8 на стр. 38).

Годовой доход на инвестированный иностранный капитал, показанный в графе 3 нашей таблицы, состоит из двух частей: прибыли на акционерный капитал и фиксированного дохода на облигационный [1]. Что касается доходов на облигационные капиталы, то принятый нами размер в 8% соответствовал доходу наиболее распространенной в России формы долгосрочного помещения капитала—на закладные под недвижимость,—составлявшему 8—$8\frac{1}{2}$% [2]. В отношении размеров прибылей на акционерные капиталы принята норма прибыли, определяемая данными промыслового обложения. Действительная доходность акционерного капитала, вероятно, несколько отличается от уловленной налоговыми органами, так как доход нередко преуменьшался в целях ослабления фискального бремени, хотя, с другой стороны, иногда и преувеличи-

[1] Здесь и в дальнейшем речь идет о регулярном доходе, нажива же на операциях с учредительством, с выпуском и торговлей акциями и на связанных с этим мошеннических операциях нами оставляется в стороне.

[2] В. А. Мукосеев, Русский денежный рынок, изд. министерства финансов, 1914, стр. 28.

ТАБЛИЦА 8

РАСЧЕТНЫЙ БАЛАНС ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ РУССКОГО ХОЗЯЙСТВА И ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА ЗА ПЕРИОД 1887—1913 гг. (в миллионах рублей)

Годы	Сумма иностранных капиталов (акционерных и облигационных), действовавших в данном году	Прирост за год	Годовой доход на инвестированный капитал [1]	Чистый годовой доход за вычетом промыслового налога [1]	Превышение чистого дохода над инвестициями последующего года
1887	177	—	19,9	19,3	—
1888	196	19	25,4	24,7	0,3
1889	198	2	27,3	26,5	22,7
1890	215	17	28,7	27,9	9,5
1891	231	16	29,4	28,6	11,9
1892	235	4	33,4	32,4	24,2
1893	238	3	34,4	32,7	29,4
1894	245	7	36,1	34,3	25,7
1895	280	35	42,3	40,2	— 0,7
1896	369	89	58,0	55,1	— 48,8
1897	442	73	66,0	62,7	— 17,9
1898	564	122	82,5	76,8	— 59,3
1899	762	198	104,7	97,4	—121,2
1900	911	149	120,1	111,7	— 51,6
1901	975	64	112,9	105,0	47,7
1902	982	7	96,7	90,0	98,0
1903	1 007	25	104,5	97,0	65,0
1904	1 022	15	113,2	105,9	82,2
1905	1 037	15	108,8	94,2	90,9
1906	1 088	51	124,2	110,6	43,2
1907	1 135	47	120,0	106,8	63,6
1908	1 187	52	122,6	109,2	54,8
1909	1 243	56	134,3	119,6	53,2
1910	1 358	115	161,6	143,9	4,6
1911	1 535	177	184,6	164,3	— 33,1
1912	1 739	204	216,2	192,5	— 39,7
1913	1 960	221	243,5	216,8	— 28,5
Баланс за 27 лет		**1 783**	**—**	**2 326,1**	**543,1**

[1] Для исчисления годового дохода на акционерные капиталы взята норма прибыли, полученная С. Г. Струмилиным по данным промыслового обложения за соответствующие годы («Проблема промышленного капитала в СССР», таблица 4, стр. 12). Согласно этим данным, средняя норма прибыли за период 1885—1913 гг. составляла 12,9% на капитал. Доход на облигационные капиталы исчислен по доходу на закладные под недвижимость, составлявшему в среднем 8%. Чистый доход получен после вычета из всего дохода сумм, уплаченных по промысловому налогу, ставки которого составляли за период 1885—1892 гг. 3%, 1893—1897 гг.—5%, 1898—1904 гг.—7%, 1905—1913 гг.—11% от абсолютных размеров прибыли.

вался для укрепления кредита компаний. Но во всяком случае трудно предположить, чтобы облагаемый доход оказался выше действительного, скорее всего имело место обратное [1]. Таким образом и данные налогового обложения являются вполне надежными. Наконец, вычитая из общей суммы дохода платежи по налогам, согласно определенным ставкам, мы получаем чистый доход акционерного капитала, которым инвестор может распоряжаться.

Предполагая, что доходы акционерных компаний являются источником для инвестиций в последующие годы, и сопоставляя и те и другие в соответствующем хронологическом порядке, мы убеждаемся в том, что в годы подъема извлекаемая прибыль была недостаточна для осуществления довольно значительных иностранных инвестиций в русское народное хозяйство и что должны были существовать фонды для погашения дефицита. Зато в депрессивные годы положение было обратное: вследствие недостаточности инвестиций накапливался значительный резерв, который и погашал дефицит предыдущего периода. Но в итоге за период 1887—1913 гг. извлеченная прибыль не только покрыла инвестиции, но и позволила накопить резерв более чем в полмиллиарда сверх этого. Итак, сальдо поступлений и расходов иностранного капитала и основных отраслей русского хозяйства было в пользу первого: инвестированный иностранный капитал был целиком погашен и при этом еще присоединено приличное вознаграждение. Таким образом в действительности имело место соответствующее возмещение первоначальных затрат, причем даже с известным приростом. Это получило свое отражение также в структуре внешней торговли и в систематическом превышении вывоза над ввозом. Несмотря на это инвесторы сохранили в своих руках долговые обязательства русских предприятий в виде многочисленных фондовых ценностей—акций и облигаций, представляющих фиктивные притязания на русскую собственность.

Но финансовые взаимоотношения русского хозяйства и иностранного капитала не исчерпываются сказанным. Круг этих связей был шире, ибо наряду с инвестициями огромную роль играли и публичные займы—государственные, коммунальные, железнодорожные и т. п., и первые нельзя рассматривать совершенно изолированно от вторых. Поэтому в дальнейшем анализе отправным пунктом будет служить вся совокупность финансовых взаимоотношений России и внешнего мира [2].

[1] По данным Н. А. Грузмана («Проблемы долгосрочного кредитования промышленности, изд. Наркомфина, стр. 44), прибыль промышленности на основной капитал равнялась» в 1913 г. 18,7% по сравнению с 13,1% по данным промыслового обложения.

[2] Интересно однако отметить для сравнения выгодности отдельных форм внешнего кредита, что чистый доход иностранного капитала от инвестиций в последний довоенный промышленный подъем был равен, а в отдельные годы даже превышал доход по государственному долгу, что видно из следующего сопоставления (в миллионах рублей):

Годы	Чистый доход от инвестиций	Доход по госдолгу
1910	143,9	175,4
1911	164,3	143,6
1912	192.5	183,3
1913	216,8	194,0

Выгодность инвестиций по сравнению с займами выступает еще более наглядно, если вспомнить, что общая сумма инвестиций равнялась в 1913 г. всего 2 млрд. руб., а внешний государственный долг—4,2 млрд. руб., иначе говоря, первые приносили свыше 10%, а вторые — 4,5%.

Воспользуемся данными Оля [1], которые позволяют вести анализ с несколько более отдаленного, чем до сих пор, времени. За период 1881—1895 гг. Россия имела активный торговый баланс с превышением вывоза над ввозом в сумме 1 482 млн. руб., а с учетом операций по золоту — 1 448 млн. руб. За то же время заграничные расходы по невидимым статьям платежного баланса — фрахты, расходы туристов и т. п. — составили 881 млн. руб., следовательно, за покрытием этих расходов оставалось 567 млн. руб. для оплаты процентов и на погашение внешней задолженности, которые, по расчетам Оля, составили за пятнадцатилетие 1 866 млн. руб. Смысл последних цифр таков, что уже в 1880-х и в начале 1890-х годов превышения вывоза над ввозом было недостаточно для покрытия расходов по невидимым статьям платежного баланса и по платежам, связанным с внешней задолженностью, и что, в связи с этим, уже в ту пору закладывались основы для своеобразного автоматизма финансовой зависимости, возраставшей не за счет новых различных поступлений денежных ресурсов извне, а ввиду невозможности уплаты по старой задолженности. В рассматриваемый период этот процесс только намечался, и приток нового капитала из-за границы еще фактически имел место. Это видно из анализа расчетного баланса и из цифры в 1 866 млн. руб., выросшей за счет заключения новых займов, однако тенденция к самовозрастанию внешней задолженности была несомненна.

В последующее время указанная тенденция обнаружилась уже с полной ясностью. Это видно из следующих данных. Общий активный баланс—торговый и металлических денег—за период 1894—1913 гг. составил 4 120 млн. руб. За возмещением 1 500 млн. руб. за «услуги», остаток в 2 620 млн. руб. предназначался на уплату процентов, которые по одному только государственному долгу составили за 20 лет 2 757 млн. руб., а по всем видам задолженности—5 700 млн. руб. Таким образом даже без новых займов, и несмотря на активный торговый баланс, задолженность за эти 20 лет автоматически должна была вырасти на 3 080 млн. руб., фактически же, в связи с заключением новых займов, рост разных видов внешней задолженности за рассматриваемый период составил 4 100 млн. руб. [2].

Объединяя теперь оба периода, мы получаем, что за 1881—1913 гг. сальдо по торговому и металлическому балансу в пользу России равнялось 5 431 млн. руб., а за вычетом 2 381 млн. руб. расходов за «услуги» — 3 050 млн. руб. Можно было бы предположить, что эти 3 млрд. руб. пошли на уплату долгов, в силу чего внешняя задолженность должна была бы снизиться. Однако на деле вышло наоборот, ибо долговая петля стянулась еще туже. Итак, свыше чем на 3 млрд. материальных ценностей было вывезено иностранным капиталом в течение 1881—1913 гг. из России без какого-либо равноценного эквивалента, просто в виде дани, и в добавление к этому внешняя задолженность страны составила накануне войны свыше 7 млрд. рублей.

Из сказанного ясно, что роль иностранного капитала в России определялась не колебаниями номинальных эмиссий на иностранных биржах в тот или иной год, а теми позициями, которые были им

---

[1] См. его «Цифровой анализ расчетного баланса России за 15 лет».

[2] Л. Пазвольский и Г. Моултон, Русский государственный долг и восстановление России, изд. «Плановое хозяйство», стр. 130. В «услуги» не включены фрахты. Сумма в 5 700 млн. руб. получена нами после вычета из суммы заграничных платежей в 7 200 млн. руб., приводимой авторами, 1 200 млн. руб., израсходованных туристами и правительственными учреждениями за границей за двадцатилетний период, и 300 млн. руб. разных комиссионных расходов.

завоеваны в течение десятков лет взаимных финансовых сплетений. Создавшееся положение обеспечивало автоматический рост его значения и особенно тех стран, которые сохранили прочные кредитные связи с Россией. Самовозрастание иностранного капитала происходило за счет капитализации доходов от прежних инвестиций. Это показал достаточно ясно анализ материальных связей России с заграницей. Это подтверждается, как общее правило, также структурой платежных балансов стран, вывозящих капитал, как до войны, так и после [1].

По существу, в этом факте нет ничего неожиданного, так как со времени Маркса хорошо известно, что капитал есть накопленная прибавочная стоимость; новостью является только то, что эта прибавочная стоимость выжата не из «своего» рабочего, а из представителей другой нации. Таким образом происходивший процесс означал не приток капитала извне, а его накопление на почве эксплоатации туземного труда, обеспечившее странам-кредиторам регулярную поставку продовольствия для их индустриального населения, сырья для промышленности и добавочные источники для новых титулов собственности [2].

Сказанное вовсе не означает, что индустриальное развитие России не нуждалось в притоке капитала извне. То обстоятельство, что на определенной стадии развития приложение иностранного капитала растет не за счет реального его ввоза, а за счет извлекаемых в чужой стране прибылей, не является, однако, аргументом против неизбежности привлечения капитала извне. По существу это не аргумент, а морализирование, характерное для мелкобуржуазной экономии. Индустриализация отсталых стран, связанная с долгосрочными инвестициями и интенсивным ввозом заграничного оборудования, вступает в этих странах в противоречие с узостью туземного накопления и неразвитостью экспорта, а без индустриализации производительность труда не может подняться на такую ступень, чтобы обеспечить промышленное развитие исключительно за счет собственных ресурсов. С другой стороны, экспорт капитала неразрывно связан с империализмом и является имманентной формой движения финансового капитала. Только исключительная историческая обстановка, как, например, в СССР, позволяет поставить вопрос по-иному, но об этом ниже.

Описанный выше процесс самовозрастания иностранного капитала влиял и на формы его участия в народном хозяйстве России и на методы его сотрудничества с туземным капиталом. Наряду с относительным падением международной биржи в финансовых операциях с русскими ценностями и возрастанием удельного веса русского де-

---

[1] По платежному балансу САСШ за 1926 г. новые американские инвестиции достигли в 1926 г. 1 332 млн. долл., а доход от инвестиций—частных и государственных—838 млн. долл., со включением погашения военных долгов — 873 млн. долл. Так обстоит дело со страной, сравнительно молодой по экспорту капиталов. А каково положение в старых странах, видно из данных Midland-Bank о чистом доходе от английских инвестиций за границей и о внешней эмиссии Англии. По этим данным, средний годовой доход от инвестиций составлял за 1922—1927 гг. 231 млн. фун. ст., а внешняя эмиссия — всего 124 млн. фун. ст., иначе говоря, Великобритания снова инвестировала только 54% своих доходов от иностранных инвестиций, употребляя остаток на сальдирование торгового баланса. Интересно, что до войны 80,6% инвестиционных доходов шло на увеличение английских вложений за границей.

[2] К такому же выводу относительно транспорта пришел и т. Струмилин в своей книге «Очерки советской экономики». «Иностранный капитал, — пишет т. Струмилин, — извлек из России за истекший период (1874—1913 гг.) в связи с железнодорожным строительством гораздо больше ценностей, чем их поступило к нам из-за границы. Расчетный баланс ввоза и вывоза капиталов по этой статье был явно не в нашу пользу» (стр. 194)

нежного рынка,—что проявилось лишь отчасти в последний довоенный подъем,—увеличивалась заинтересованность иностранного капитала в развитии русской кредитной системы, в которой он играл выдающуюся роль. Благодаря этому русские акционерные банки все больше вовлекались в систему международных финансовых интересов и в свою очередь сами являлись форпостом мирового финансового капитала на русской почве. В то же время в промышленности происходили процессы консолидации и энергично развивались различные виды кооперации иностранного и туземного капитала, причем некоторые из них даже перерастали существовавшие территориальные границы благодаря мощной поддержке банковской системы. В результате переплетение в ряде важнейших отраслей хозяйства сделалось настолько тесным, что трудно было сказать, где кончаются русские интересы и где начинаются иностранные.

ГЛАВА VI

ИНОСТРАННЫЕ КАПИТАЛЫ В КАМЕННОУГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Капиталистический способ производства для своего развития требует развертывания парового транспорта, который в свою очередь должен опираться на мощную топливную базу. Поэтому вслед за транспортом иностранный капитал устремляется в добывающую промышленность и в первую очередь в каменноугольную. Связь между ними самая непосредственная. Транспорт в лице железных дорог, а также флота является важнейшим потребителем топлива и главным его распределителем. Одновременно с этим распространение рельсовой сети служит мощным стимулом к развитию промышленности и к росту городов, вызываемому индустриализацией страны. Таким образом к паровому транспорту присоединяются индустрия и городское население, как крупные потребители топлива.

Русская каменноугольная промышленность развивалась за счет появления новых потребителей, но в немалой мере и за счет вытеснения других видов топлива. Модернизация страны, смена отжившего способа производства капиталистическим сопровождаются революцией энергетической базы. Переворот в промышленном производстве осуществляется благодаря введению паровой машины и распространению механической промышленности, питающейся каменным углем. Но основой предыдущей эпохи с ее устарелой техникой являлись дрова. По образному выражению В. Зомбарта[1], из леса вышла унаследованная капитализмом материальная культура, которая носила исключительно древесный отпечаток. Материальным центром современной техники стал уголь, из которого во все стороны распространяются греющие и освещающие лучи. Этим была преодолена важнейшая преграда для капиталистической экспансии.

В 1890 г. потребление древесного топлива в Московском промышленном районе составляло еще около половины (45%) всего технического потребления топлива, а спустя 18 лет, в 1908 г., оно равнялось только одной пятой (20,6%) всего промышленного потребления топлива. В потреблении собственно промышленном древесное топливо в 1890 г. составляло 51%, а в 1908 г.—только 23,4%, т. е. сократилось более чем в два раза. Еще значительнее упала роль древесного топлива в потреблении транспорта: в потреблении железных дорог в 1881 г. оно составляло 43%, а в 1911 г. всего лишь 16%; в потреблении речного пароходства дрова составляли в 1884 г. 47%, а в 1906 г.—только 10%[1].

---

[1] W. Sombart, Das Wirtschaftsleben in Zeitalter des Hochkapitalismus, I Halbband, S. 99.

Уголь совершал победоносно свою экспансию и уверенно смотрел в будущее, так как в степени минерализации топливного баланса отражался темп индустриализации страны.

Динамика потребления твердого минерального топлива отличалась крайне бурным характером, особенно в периоды подъема, в связи с большими масштабами расширенного воспроизводства основного капитала как в промышленности, так и в транспорте. За период 1893—1913 гг. физический объем промышленности увеличился на 215%, а железнодорожная сеть возросла более чем вдвое, составив на 1 января 1914 г. 67 515 *км*, не считая вторых, т. е. двойных путей протяжением в 14 640 *км*. Этот рост не мог бы иметь места, если бы он не опирался на твердую топливную базу, созданную развитием каменноугольной промышленности.

Судьба угля была тесно переплетена с судьбой нефти, но эти узы, ввиду борьбы частнохозяйственных интересов, были не положительного, а отрицательного свойства. Хотя жидкое топливо не угрожало угольному владычеству, но в конкуренции наносило ему по временам довольно чувствительные удары. Несмотря на хронический топливный дефицит, требовавший значительного ввоза иностранного топлива, капиталистическая организация хозяйства с ее собственнической раздробленностью приводила к перманентной войне между углем и нефтью. Противоречивость интересов объяснялась также и тем, что главные угольные и нефтяные районы были в общем поделены между разными группировками иностранного капитала.

Со стороны электрической энергии углю не угрожала опасность лишь потому, что удельный вес новой механической силы в энергетическом балансе страны был мизерен. Только Октябрьская революция поставила в порядок дня электрификацию как базу новой техники и использование электричества не только как источник света, но и силы; вместе с тем, благодаря новым общественным отношениям, она создала предпосылки для единого энергетического хозяйства, что было невозможно при капиталистической форме топливного хозяйства.

Эволюция потребления каменноугольного топлива в России за период 1886—1913 гг. представляется в следующем виде.

ТАБЛИЦА 9

Годы	Среднее потребление за 5-летие	Внутренняя добыча угля	Ввоз иностранного угля	% ввоза к потреблению
	в млн. тонн			
1886—1890	7,1	5,3	1,8	25
1891—1895	9,6	7,7	1,9	20
1896—1900	15,9	12,6	3,3	21
1901—1905	21,5	17,8	3,7	17
1906—1910	29,0	24,7	4,3	15
1911—1913 (трехлетие)	38,4	31,9	6,5	17

---

[1] Г. В. Мерцалов, Каменноугольная промышленность, «Богатства СССР», вып. II, Гиз, 1925 г., стр. 19.

ское—с 0,75 млн. руб. Таким образом на территории СССР осталось 19 предприятий с капиталом в 19 млн. руб.

Из наиболее крупных предприятий следует отметить Акционерное о-во Николаево-павдинского горного округа с капиталом в 15 млн. руб., из коего на долю английского капитала приходилось 6 млн. руб., французского—3 млн. руб. Иностранные интересы были представлены в этом обществе через банки—Русско-английский и Русско-азиатский. Первый из этих банков представлял интересы английского капитала и в другом крупном предприятии по механической и химической обработке дерева и производства бумаги—Петроградском акционерном о-ве, акционерный капитал коего равнялся 2, 5 млн. руб., причем доля англичан составляла около 2 млн. руб.

В остальных отраслях легкой и обрабатывающей промышленности иностранный капитал участвовал в незначительных размерах.

ГЛАВА XI

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Характерной чертой периода господства финансового капитала, является развитие фондового капитала и финансовых учреждений, концентрирующих у себя все операции с бумажными фондами. Чем развитее основной капитал, чем значительнее его пропорции по отношению ко всему функционирующему в производстве капиталу, тем больше возрастают массы бумажного капитала, обращающиеся на фондовых биржах и в банках. «Обиржевление» хозяйственной жизни приводит к своеобразному удвоению общественного капитала, который функционирует в своей реальной вещественной оболочке на предприятии и рядом—в своей призрачной форме фиктивного капитала на бирже и в банке.

Это противоречие между реальным и номинальным капиталом особенно выпукло выступает на международной арене. С помощью процентных бумаг международный оборот капиталов крайне облегчается и ускоряется. Купля и продажа «фондов» на мировых биржах и через посредничество крупнейших кредитных учреждений являются наиболее действительным средством для приобретения «участия» не только в чужом предприятии, но для прямого и широкого внедрения в хозяйство других стран и их эксплоатации. Через развитие «невидимого» экспорта капитала, значение которого в платежных балансах крупных стран все более и более возрастает, намечается тенденция «общности» финансовых интересов между различными государствами и устанавливаются международные производственные отношения.

Замечательно, что Маркс и Энгельс с большой прозорливостью предвидели этот процесс, как и все вытекающие отсюда противоречия. «То обстоятельство,—писал Маркс во II томе «Капитала»,—что средства труда локально прикреплены, пустили свои корни в землю, отводит этой части основного капитала особую роль в экономии наций. Их нельзя отправить за границу, они не могут обращаться на мировом рынке как товары. Титулы собственности на этот основной капитал могут меняться, их можно покупать и продавать, и постольку они могут идеально циркулировать. Эти титулы собственности могут даже циркулировать на иностранных рынках, например, в форме акций. Но от смены лиц, которые являются собственниками этого рода основного

капитала, не изменяется отношение неподвижной, материально фиксированной части богатства известной страны к подвижной части того же богатства»[1]. С другой стороны, эти средства производства приобретают двоякую видимость, и ход их производства должен приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они являются банкирами[2].

В этих отрывках содержится ряд замечательных мыслей, которые особенно глубоко выясняют нам роль иностранных инвестиций в дореволюционном русском хозяйстве и вытекающие из них (инвестиций) экономические и политические следствия.

Предыдущее изложение, мы надеемся, показало, что ценные бумаги и акции на русские предприятия были излюбленным объектом международного капитала, в результате чего международная биржа имела большее значение для развития наших важнейших отраслей промышленности, чем даже внутренняя биржа. Центр финансовой организации русского хозяйства или, вернее, ее движущие пружины находились скорее по ту сторону границы, чем на русской территории, благодаря чему отделение собственности на капитал от функционирующего капитала было проведено с максимальной последовательностью.

Удельный вес русской и иностранной биржи виден из следующего сопоставления, относящегося к началу 1913 г.

ТАБЛИЦА 31

Биржи	Акции		Облигации	
	Количество предприятий	Сумма основного капитала в млн. руб.	Количество бумаг	Сумма представленного капитала в млрд. руб.
Петербургская	295	1 504	123	15,5
Парижская	71	642	69	7,9
Берлинская	35	376	75	6,4
Брюссельская	66	317	44	5,4
Лондонская	79	268	75	5,8
Амстердамская	7	105	92	8,5

Как показывают приведенные выше данные, роль петербургской биржи была сильней каждой из иностранных бирж, взятой в отдельности, как в оборотах дивидендных, так и твердо-процентных ценностей, но в совокупности иностранный денежный рынок, даже с вычетом дублирования, превосходил по своему значению русскую биржу.

Для большей ясности приведем данные, относящиеся только к промышленным ценностям.

В 1914 г. сумма промышленных ценностей, котировавшихся на 4 главных биржах, выражалась в следующих цифрах (в миллионах рублей).

---

[1] Маркс, Капитал, т. II, Гиз, стр. 134—135.

[2] Письмо Энгельса Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г., К. Маркс и Фр. Энгельс, Письма, изд. «Московский рабочий».

Биржи	Номинальная сумма	Биржи	Номинальная сумма
Петербургская .	805	Брюссельская . .	315
Парижская . . .	465	Лондонская . . .	255

В пояснение к этим данным следует добавить, что из указанной для петербургской биржи суммы известная часть должна быть отнесена к акциям, с которыми фактически не совершалось сделок, а из тех, с которыми происходил оборот, довольно значительная категория котировалась одновременно и на иностранных биржах.

Приведенные до сих пор данные характеризуют статику. Интересно теперь выяснить, какова была динамика. О последней можно судить по нижеследующей таблице [1].

ТАБЛИЦА 32

ЭМИССИЯ РУССКИХ ЦЕННОСТЕЙ в 1908—1912 гг.
(в миллионах рублей)

Род эмиссии	1908 г.			1909 г.			1910 г.			1911 г.			1912 г.		
	Всего	В России	За границей	Всего	В России	За границей	Всего	В России	За границей	Всего	В России	За границей	Всего	В России	За границей
Государственные займы	272	203	69	209	7	202	74	42	32	28	17	11	57	2	55
Ипотечные ценности	278	278	—	272	272	—	463	463	—	635	635	—	645	545	100
Ценности кредитных учреждений	11	10	1	23	18	5	95	62	33	114	93	21	171	167	4
Железнодорожные ценности . . .	156	18	138 (88%)	169	70	99 (58%)	120	41	79 (66%)	78	15	63 (81%)	205	26	179 (88%)
Промышленные ценности . . .	183	137	46 (25%)	123	83	40 (33%)	169	107	62 (37%)	381	220	155 (40%)	272	158	11 (42%)
Итого . . .	**900**	**646**	**254** (28%)	**796**	**450**	**346** (43%)	**921**	**715**	**206** (22%)	**1 236**	**980**	**256** (20%)	**1 350**	**898**	**452** (33%)

Структура и динамика эмиссии русских ценностей в пятилетие 1908—1912 гг. крайне характерна. Из крупных видов ценных бумаг ипотечные ценности являлись внутренней ценной бумагой в противоположность железнодорожным облигациям, реализация которых в основе происходила на международной бирже. Что касается промышленных ценностей, то для них значение иностранного кредитного рынка систематически возрастало, поднявшись с 25% в 1908 г. до 42% в эмиссии 1912 г. Этот факт усугубляется еще тем обстоятельством, что общий итог эмисии возрастал из года в год.

Таким образом имеющиеся данные об эмиссиях, в особенности промышленных бумаг, не дают основания утверждать о падении удельного веса иностранного капитала в русских промышленных предприятиях. Однако это нисколько не противоречит тому факту, что одновременно с этим имел место рост туземного накопления, на базе которого рос и развивался внутренний денежный рынок.

[1] Особая канцелярия по кредитной части, 1908—1912 гг.

Динамика внутреннего накопления косвенно видна из роста народного дохода, который изменялся следующим образом:

ТАБЛИЦА 33

Годы	Народный доход России в млрд. руб.	На одного жителя в руб.	Доход на одного жителя в индексах
1881	6,1 } по Ньюмарку	62	100
1894	9,3 } по Ньюмарку	76	122
1900	7,8 (Литвинов-Фалинский)	58	76
1904	9,2 (Статбюро Совета съездов представителей промышленности)	65	112
1913	16,4 (Прокопович)	94	145

Хотя приведенные оценки являются весьма приблизительными, однако динамику процесса они отражают в общем правильно, свидетельствуя о довольно быстром темпе возрастания, опережавшем темп роста народного дохода во Франции и Великобритании [1].

Если теперь обратиться к резервуарам, которые стягивают и сосредоточивают «сбережения», то мы убедимся, что в стране действительно происходил довольно интенсивный процесс накопления, особенно заметный в последние довоенные годы. Ниже мы приводим ежегодные приросты (в млн. руб.) долгосрочных и краткосрочных ресурсов в кредитных учреждениях и сопоставляем их для характеристики кредитной конъюнктуры с приростом основных капиталов акционерных и единоличных предприятий [2].

ТАБЛИЦА 34

Годы	Прирост долгосрочного кредита	Прирост краткосрочного кредита	Прирост основного капитала акционерных предприятий	Прирост капитала акционированной и неакционированной промышленности и кредитных учреждений
1900	—	—	—	—
1901	59	3	162	129
1902	68	205	89	77
1903	124	214	23	32
1904	40	217	128	168
1905	—130	—170	59	24
1906	226	355	126	79
1907	171	4	115	196
1908	138	168	140	182
1909	174	549	37	79
1910	379	399	174	146
1911	411	67	363	423
1912	462	497	255	403
Итого	**2 122**	**2 508**	**1 671**	**2 178**

[1] Ср. С. Г. Струмилин, Очерки советской экономики, стр. 15, Гиз, 1928.

[2] Прирост долгосрочного и краткосрочного кредита исчислен по балансам кредитных учреждений и сберегательных касс (В. А. Мукосеев, Русский денежный рынок, стр. 10, 11), причем к долгосрочному кредиту отнесен прирост капиталов и вкладов в банках и сберегательных кассах, к краткосрочному — прирост текущих счетов и золота. Прирост основных капиталов акционированной и неакционированной промышленности исчислен по таблице 1.

Приведенные данные показывают, что спрос акционированной и неакционированной промышленности (и кредитных учреждений), предъявлявшийся к долгосрочному кредиту, с избытком покрывался за счет накопленных внутренних ресурсов, так как годовой прирост долгосрочного кредита за рассматриваемый период составлял в среднем 177 млн. руб., а спрос одних акционерных предприятий 139 млн. руб., вместе же с единоличными предприятиями—163 млн. руб. Таким образом внутренний рынок настолько окреп, что смог удовлетворить потребности промышленного развития, но он был явно недостаточен для финансирования транспорта, для удовлетворения нужд местного строительства, для поддержания все расширявшейся программы милитаризма и, наконец, для уплаты огромных процентов и аннуитетов по внутренней и внешней задолженности. Для этих добавочных нужд широко использовались налоговый пресс и бюджет в целом, а также экспортный товарный излишек, получавшийся за счет недоедания деревни и достигавший в период 1909—1913 гг. в среднем 362 млн. руб. в год. Остававшийся, несмотря на это, дефицит покрывался за счет роста государственного долга—внутреннего и внешнего. Но как мы видели выше из анализа расчетного баланса, заключавшиеся новые займы в общем не давали реального прироста ресурсов извне и в большинстве своем служили для погашения платежей по старой задолженности [1].

При этих условиях позиции иностранного капитала в России ничуть не ослабевали, но, понятно, одновременно крепло и русское хозяйство, подымаясь на более высокую ступень. Развитие происходило в присущей капитализму противоречивой форме—путем роста реального капитала в России и фиктивного капитала в руках заграничных кредиторов. Разумеется, такая форма развития подготовляла и облегчала ликвидацию этих отношений, но не в порядке мирной эволюции, путем простого выкупа на базе растущего внутреннего накопления. В эпоху монополистического или финансового капитала такой выход исключается. Известно, что даже САСШ со своим рекордным по масштабу и темпу роста накоплением не могли «откупиться» от иностранного капитала, инвестиции которого достигали на американской территории накануне войны свыше 5 млрд. долл., причем, в отличие от России, преимущественно в форме ссудного капитала. Только мировая война ликвидировала долговые притязания европейских кредиторов к Америке. Ясно поэтому, что русская долговая проблема могла быть разрешена при сложившихся исторических условиях только катастрофически.

Природа экономических взаимоотношений России с иностранным капиталом изображается нередко крайне извращенно. Пример такого извращения дает Финн-Енотаевский, исходящий из апологетической установки, что «при старой колониальной политике иностранный капитал оперировал преимущественно в сфере обращения, в сфере торговли, транспорта и кредитов, разоряя агрикультурные страны... При новейшей же колониальной политике, свойственной империалистической стадии капитала, иностранный капитал действует в отсталых странах

---

[1] В этом отношении интересно, что иностранцы были лучше осведомлены об истинном положении, чем многие русские исследователи. Так, еще 13 июня 1901 г. Вырстрат, уехавший в Россию в 1899 г. в качестве наблюдателя, сообщал пославшему его французскому министру финансов Пейтралю, что из 400 млн. займа в Россию ничего не поступило, так как он целиком пошел на оплату срочных купонов. См. Georges Michon, Alliance Franco-Russe 1891—1917, Paris 1927, стр. 129.

и в сфере производства, быстро насаждая в них крупную индустрию»[1]. Отсюда он приходит к выводу о «легкости» национализации иностранного капитала вообще, а в России—после Октябрьской революции—в частности[1].

Как «насаждает» иностранный капитал крупную индустрию в отсталых странах,—рассказывает тот же автор, не замечая, что он опровергает себя самого. «Что между капиталами различных стран, помещенными в нашей индустрии,—пишет Финн-Енотаевский,—существовало известное разделение труда, что они специализировались у нас на различных отраслях, это известно. Так, англичане шли преимущественно в нефтяные и золотопромышленные предприятия (и медные.—*Л. Э.*), французы и бельгийцы—в горную и металлургическую промышленность, немцы—в хлопчатобумажную, электрическую и химическую. Из иностранных капиталов германский носил у нас наиболее выраженный колониальный характер и по системе организации отделений функционирующих у него на родине предприятий, и по стремлению к захвату наиболее прибыльных существующих уже отраслей крупной промышленности, и по добыче сырья-руды—с целью вывоза»[3]...

Действительно, между различными национальными группами иностранного капитала в России существовала известная техническая специализация, но из приведенного перечня видно, что все они захватили действительно жизненные центры и важнейшие опорные пункты страны. Разве захват английским капиталом медных и золотых рудников и нефтяных месторождений, т. е. источников наиболее «политических» товаров, или романской группой—металлургии и угля, являющихся основой экономической независимости, был менее важен, чем внедрение немцев в электрическую, химическую и хлопчатобумажную индустрию? Разве английские нефтяные предприятия не являлись отделениями англо-голландского нефтяного концерна, а сильнейший русский металлургический синдикат Продамета не инспирировался первоклассными французскими и бельгийскими банками?

Вульгарно делить финансовый капитал на дурной и хороший. Немецкий капитал, проявляя захватнические тенденции, одновременно поддерживал оживленный товарооборот с нами, между тем как англо-французский капитал и особенно французский ставили перед собой преимущественно финансово-политические цели. Все влиятельные национальные группы связывали свое стремление к прибыли с более далеко идущими интересами: кто с контролированием отдельных отраслей сообразно с интересами своей отечественной индустрии, кто создавал для себя базу наиболее важного и дорогого сырья, а кто ставил перед собою прямо политические задачи. Это понимает даже и буржуазный автор. «Инвестирование,—пишет Дженкс[4],—означает больше чем распределение капитальных благ и ценных бумаг фондовой биржи. Оно включает создание прав собственности, которые могут втянуть правительства в действия за пределами своих границ»...

Иностранный капитал действовал главным образом в сфере производства, и тем самим влиял на всю экономику страны и на ее политику. Он обусловливал такие размеры товарного экспорта, которые могли быть получены при существовавшем уровне развития производи-

---

1 Финн-Енотаевский, Финансовый капитал и производительный, стр. 116.
2 Там же, стр. 117.
3 Там же, примечание к стр. 139. Разрядка Финн-Енотаевского.
4 Цит. соч., стр. 4.

тельных сил только за счет недопотребления населения. Для удовлетворения его требований, а также самодержавной клики, податной пресс, усиление которого является в известной мере обратной стороной импорта капиталов и связанных с ним платежей, экспроприировал большую часть доходов широких народных масс. Благодаря финансовой зависимости, также и выбор внешнего политического курса страны не мог уже определяться вполне свободно и самостоятельно.

Апологетика Финн-Енотаевского в оценке роли иностранного капитала вытекает из его отрицания системы финансового капитала, как исторического этапа капиталистического развития, и из сужения им понятия финансового капитала до понятия ссудно-денежного капитала. В связи с этим он пытается умалить значение распоряжения контрольными пакетами акций промышленных предприятий. «Быть собственником акций данного предприятия не значит еще,—заявляет он,—распоряжаться реальным капиталом его, быть капиталистом-функционером, управлять процессом производства и товарного обращения. Эту роль выполняют руководители синдикатов, трестов и отдельных промышленных и торговых предприятий; и это не одно и то же, что сами производительные капиталисты»[1].

Для Финна руководители монополистических объединений являются капиталистами-функционерами, а банки—простыми посредниками в кредитных операциях и организаторами платежного оборота. Немудрено поэтому, что он приходит к отрицанию сращивания промышленных и банковских монополий, а тем самым к игнорированию структурного изменения капитализма и его превращения в монополистический капитализм. Именно в эпоху монополистического капитализма отделение собственности от непосредственного руководства производством достигает высшего развития. Вместе с тем общественный фонд накопления все больше концентрируется в банках, давая в их руки средства для контроля над общественным процессом воспроизводства. Внешне это проявляется во владении «контрольными пакетами» акций, в развитии системы «участия» и «финансирования», в персональной унии между банками и промышленными предприятиями и т. д., благодаря чему прежняя косвенная связь становится все более и более непосредственной, создавая общность интересов.

Ленин едко высмеивает Риссера, который также называет «случайным» переплетение на почве владения акциями. «То, что лежит в подкладке этого переплетения, пишет Ленин, то, что составляет основу его, есть изменяющиеся общественные отношения производства»[2]. Финн-Енотаевский потому и отрицает ленинскую теорию империализма, что не видит обобществления производства, скрывающегося за оболочкой «переплетения» и вытекающего отсюда роста противоречия между общественным характером производства и его частной формой[3].

Финансовый капитализм характеризуется тем, что указанные связи перерастают национальные рамки, распространяясь на международные отношения. Это и имело место во взаимоотношениях русского хозяйства и иностранного капитала. Сосредоточение крупных пакетов

---

[1] Финн-Енотаевский, Финансовый капитал и производительный, стр. 129.

[2] «Империализм, как высшая стадия капитализма», XIX т., второе, испр. и дополн. изд., стр. 173—174.

[3] Вся «теория» Финн Енотаевского вполне согласуется с его практикой, приведшей его на скамью подсудимых по делу контр-революционной вредительской организации меньшевиков.

акций русских предприятий в руках заграничных банков или иностранных финансово-промышленных групп обеспечивало последним огромное влияние на ход и деятельность этих предприятий и неизбежно расширяло иностранное влияние далеко за рамки данных предприятий.

Механистический подход в оценке роли иностранного капитала обнаруживается в следующем утверждении Финна. «Раздвоение капитала,—пишет он,—и сделало столь легкой у нас после Октябрьского переворота национализацию—здесь в двойном смысле—и иностранных предприятий. Интернациональные, империалистические, монополистические капиталисты остались со своим финансовым, фиктивным капиталом, капиталом-собственностью на руках; страна же, национальное хозяйство остались с производительным капиталом, капиталом-функцией» [1]...

Здесь уже собственники акций оказываются «интернациональными, империалистическими, монополистическими капиталистами», причем победа над ими является тем не менее «столь легкой». На самом деле действительность оказалась несколько сложнее. Интервенция, блокада, непрекращающая борьба с СССР, хотя и питаемая противоположностью систем—капиталистической и социалистической,—возглавляются как раз теми группами капитала, которые имели в России крупные интересы, причем перипетии международной борьбы показывают, что, кроме чисто финансовых интересов, огромную роль именно играет потеря завоеванных позиций в русском хозяйстве. По существу рассуждения Финн-Енотаевского о «финансовом фиктивном» капитале являются не чем иным, как перепевом теории деколонизации, смазывающей сущность империализма.

С другой стороны односторонним является утверждение, согласно которому иностранный капитал изображается в роли хозяина, распоряжавшегося в России, как в колонии или полуколонии. Такой подход игнорирует возможность существования переходных форм. «Типичные для этой эпохи (империализма.—*Л. Э.*) не только две основные группы стран, владеющих колониями, и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» *(Ленин)*. Ясно, что к этой последней группе Ленин относил и царскую Россию. Но это не исключало развития монополистического капитализма и в России: «Что в России тоже капитализм стал монополистическим,—писал Ленин,—об этом Продуголь, Продмет, сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно» [2].

Иностранный капитал не противостоял русскому капиталу как враждебная сила,—наоборот, во много их интересы совпадали. Развитие русского капитализма, как мы видели, происходило при деятельном участии иностранного капитала. Кроме того Россия с ее обширными человеческими и материальными ресурсами являлась всегда желанным союзником, в поддержке которого были заинтересованы соперничавшие друг с другом империалистические группировки. Понятно, что «златая цепь» являлась в этом отношении необходимым зве-

---

[1] Ленин, т. XIX, стр. 117.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 207. Не следует только забывать, что утверждение Ленина относится к периоду, который начинается, примерно, с 1904 г., причем он подчеркивал преобладание в России военного и феодального империализма. Это, конечно, далеко от системы монополистического капитализма, которую «открыл» в России еще в 90-х годах прошлого века т. Трановский (см. его Монополистический капитализм в России, изд. «Прибой»).

ТАБЛИЦА 35

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КАПИТАЛОВ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ В 1916/17 г. (в миллионах рублей)

Группы производства	Весь акционерный капитал	%-ное отношение ко всему промышленному капиталу	В том числе иностранный капитал (включая облигационный)	Доля иностранного капитала к капиталам данной отрасли в %	Национальный состав иностранных капиталов					
					Франция	Англия	Германия	Бельгия	САСШ	Прочие
Горное дело	1 302,2 } 1 938,2	52	834,3 } 1 227,0	63	475,5	335,7	160,6	164,2	61,0	30,0
Обработка металлов	636,0		392,7							
Обработка минеральных веществ	141,9	4	18,2	12	5,0	—	0,9	11,5	—	0,8
Текстильная промышленность	796,3	21	192,4	24	57,0	19,7	45,6	9,3	—	10,8
Химическое производство	180,2	5	83,5	46	31,6	1,4	31,5	11,2	1,2	6,8
Обработка вкусовых и питательных веществ	449,5	12	37,3	8	5,6	18,9	9,6	0,8	—	2,5
Обработка животных продуктов	55,7	1	14,4	25	0,4	10,0	2,1	2,0	—	—
Механическая обработка дерева	110,2	3	25,7	26	5,3	10,7	0,3	0,6	—	8,8
Бумажно-полиграфическое производство	75,1	2	31,4	41	1,0	4,3	23,6	—	—	2,5
Всего по промышленности	**3 747,1**	**100**	**1 629,9**	**43**	**581,4**	**450,7**	**274,2**	**199,6**	**62,2**	**62,2**
Городские, складочные и строительные предприятия	324,8	—	259,5	80	30,8	21,4	70,9	109,0	—	27,3
Транспортные предприятия (без железных дорог)	167,1	—	26,6	16	1,5	0,6	6,0	10,5	—	8,0
Кредитные учреждения	679,7	—	237,2	35	13,3	25,7	84,7	2,5	—	11,0
Страховые компании	36,8	—	8,7	25	1,0	0,9	3,0	—	1,0	2,8
Торговая и комиссионная деятельность	389,0	—	80,7	20	3,5	8,3	2,8	—	54,6	11,6
Смешанные	191,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего в сфере обращения и коммунального х-ва	**1 789,1**	—	**612,7**	**38**	**149,1**	**56,9**	**167,4**	**122,0**	**55,6**	**60,7**
Весь капитал в производстве и обращении	**5 536,2**	—	**2 242,6**[1]	**40**	**730,5**	**507,6**	**441,6**	**321,6**	**117,8**	**122,9**

[1] Из этой суммы 235,6 млн. руб., или около 10,5%, приходится на территории, отошедшие от России.

ном, но это не противоречило интересам руководящих слоев русской буржуазии, в частности интересам представителей финансово-капиталистических монополий, слившихся на верхах в единое международное братство с иностранными монополистами для совместного грабежа Китая, Персии, Афганистана и т. д.

Окончательная диспозиция иностранного капитала, накануне штурма всего здания русского капитализма, подводящая итоги его более чем полувековой деятельности в России, видна из помещенной на стр. 95 таблицы, в которой показаны: размещение по отраслям, группировка по национальному признаку, а также удельный вес в функционировавшем промышленном капитале.

Данные показывают, как уже известно из предыдущего изложения, высокий удельный вес иностранных капиталов в русской промышленности, доходящий до 43% (включая и облигационный капитал) всех капиталов, причем этот процент был здесь выше, чем даже в сфере обращения и коммунальном хозяйстве, где он составлял 38%. Из промышленных отраслей, наиболее привлекавших иностранные капиталы, были горное дело и обработка металлов с 63% всех заграничных инвестиций в промышленности; в то же время эти отрасли являлись наиболее капиталонасыщенными, так как в них было инвестировано 52% всех промышленных капиталов. Детальное рассмотрение показало, что наиболее «интересными» сферами для иностранных капиталистов были черная и цветная металлургия, нефтяные и каменноугольные предприятия, машиностроение и химическое производство. По национальному составу на первом месте стоял французский капитал, который занимал командные позиции в тяжелой индустрии, а в сфере обращения—в кредитной системе[1]. Кроме того часть бельгийского капитала, по вышеизложенным причинам, должна быть отнесена к французским капиталам, что повышает долю последних.

Следующим по величине был английский капитал, который обнаружил крайне интенсивный рост, поднявшись в течение каких-нибудь 6—7 лет с четвертого места на второе, причем сфера его экспансии была чрезвычайно узкой, ограничиваясь собственно двумя главными объектами—нефтью и медью, отчасти и золотом. Если бы не война, английские инвестиции, вероятно, оспаривали бы первое место, занятое французами.

Немецкий капитал занимал третье место, причем, в отличие от французских и английских капиталов, он был распределен более равномерно, хотя и у него были излюбленные объекты, как химические и электрические предприятия, а в сфере обращения—коммерческие банки. Количественно роль немецкого капитала перед войной падала, но это компенсировалось другими разносторонними связями немецких капиталистов с русским хозяйством, для которого они играли роль посредника с Западом.

Бельгийский капитал, несмотря на свои большие размеры, самостоятельного значения не имел, впрочем, быть может, за исключением коммунальных предприятий, и в общем оставался на вторых ролях то у немцев, то у французов.

Но правомерно ли вообще объединять экспортный капитал по национальному признаку и приписывать ему «общенациональные» цели? Ведь капитал интересуется только прибылью и ради нее

[1] Следует также помнить его роль, как главного кредитора государства и транспорта.

готов блокироваться, независимо от национальной принадлежности. Абстрактно капитал действительно интернационален, т. е. в том смысле, что весь мир потенционально является ареной его приложения, но это свое стремление к экспансии он совершает в интересах «национальной» метрополии, подчиняя частные и временные задачи длительным и общенациональным задачам буржуазии. Особенно отчетливо выступает эта тенденция к образованию сомкнутого национального фронта в эпоху монополистического капитализма, для которого экспорт капитала является средством повышения рентабельности отечественного производства расширения сбыта, с одной стороны, и захвата рынков сырья и продовольствия, с другой стороны.

В России в общем и целом прокладывала себе путь указанная тенденция. В территориальном и функциональном размещении ввезенного капитала, в прочности установившихся связей заграницы с определенными отраслями русского хозяйства, в характере «сотрудничества» иностранных предприятий на русской территории и, наконец, в формах смычки иностранной индустрии с промышленными предприятиями и сырьевыми ресурсами России—красной нитью проходил национальный принцип, что неисключало и международного сотрудничества в ряде случаев.

Таким образом мы пришли к выводу, что, по существу иностранный капитал орудовал за счет сделанных в России накоплений, так как товарный экспортный излишек погасил с избытком задолженность загранице; что различные группы международного капитала довольно прочно засели на важнейших стратегических позициях русского народного хозяйства; что такое положение тормозило в конечном счете индустриальный прогресс страны, так как обрекало ее на роль поставщика сырья и продовольствия для передовых промышленных стран.

Эмансипация от иностранной зависимости могла осуществиться двояким путем. Один из них—чисто эволюционный путь—представлялся при сложившейся структуре страны—хозяйственной и политической—мало осуществимым. Радикальнейшим средством для ассимиляции засевшего иностранного капитала являлось поэтому только государственное банкротство. Это рекомендовалось между прочим Р. Гильфердингом [1], когда он был еще марксистом. Но Октябрьская революция решила эту проблему чисто революционным путем—декретами от 21 января и 28 июня 1918 г. аннулировавшими внешнюю задолженность и провозгласившими национализацию крупной промышленности.

ГЛАВА XII

СССР И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ

Октябрьская революция означала собой насильственный и решительный разрыв с прошлым, который привел к аннулированию всех обязательств свергнутого правительства по отношению к загранице, а в связи с национализацией крупной промышленности и банков—к ликвидации «иностранного» имущества на русской территории. Однако вышедшая из революции советская власть, под руководством Ленина, тотчас же приступила к налаживанию новых самостоятель-

[1] «Финансовый капитал», примеч. к стр. 374.